

ВАДИМ ПАНОВ
ЛЮДМИЛА МАКАРОВА

◆◆◆◆◆
**БАЛЛАДА
О МЕРТВОЙ
КОРОЛЕВЕ**
◆

ТАИНЫИ ГОРОД

Тайный Город

Людмила Макарова

Баллада о Мертвой Королеве

«Автор»

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Макарова Л.

Баллада о Мертвой Королеве / Л. Макарова — «Автор»,
«Автор», 2017 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-04-088660-9

Искалеченный душой и телом эрлиец по имени Гематус решил отомстить обездолившему его миру и самому Спящему, создавшему столь несправедливую Вселенную. И положил жизнь на исполнение грандиозного замысла... Неужели сбудется пророчество, случайно услышанное человеческой ведьмой Тиной, и погибнет все живое? В том числе — последние представители древних рас, правивших на Земле задолго до появления человека. Неужели невозможно остановить Мертвую Королеву, способную пожрать саму Вселенную? Запущенные безумцем часы равнодушно отсчитывают секунды, и лишь Тина способна предотвратить надвигающуюся катастрофу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088660-9

© Макарова Л., 2017
© Автор, 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вадим Панов, Людмила Макарова

Баллада о Мертвой Королеве

© Панов В., Макарова Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

В шесть утра в маленьком московском парке, притулившемся среди многоэтажек спального района, было пустынно, влажно и по-осеннему глухо – словно звуки, подобно медведям, тоже готовились к зимней спячке. Покрывающие асфальт листья – намокшие, желтые – не шуршали, а чавкали под ногами. Далекий собачий лай едва пробивался сквозь вязкий воздух. Справа от дорожки оседали в серую муть горки и цветные перекладины детской площадки, слева серыми громадинами домов нависал город, а чуть впереди ее ожидал крутой поворот, после которого дорожка убегала вниз к спортивному пятачку с турниками и тренажерами.

Алиса перепрыгнула через лужу и малодушно притормозила перед поворотом. Вот прямо сейчас взять и развернуться, рвануть домой, и гори он синим пламенем, этот здоровый образ жизни. Дома тепло. Дома у нее появится лишник полчаса до выхода, а значит, можно забраться с ноутбуком и чашкой кофе под одеяло и немножко побездельничать... А то и вовсе прогулять первую пару в институте, а там, глядишь, в грязно-сером небе улыбнется солнце и наступит давно обещанная синоптиками золотая осень.

Дома хорошо, но прерывать тренировку не хотелось. Алиса знала, чем закончится такое отношение: сегодня вернешься с половины дороги, завтра только из подъезда нос высунешь, послезавтра вообще «забудешь», потом уберешь кроссовки в дальний угол тумбочки, и все – спортивная жизнь перейдет в фазу «с понедельника обязательно начну», а значит, закончится навсегда.

Нет! Утренние пробежки тренируют не только тело, но и волю, а значит – вперед!

И девушка продолжила бег.

Навстречу, фанатично цокая палками для скандинавской ходьбы, прошлепала тетка в ярко-синей куртке и ярко-желтой вязаной шапке, посмотрела неприветливо, почти со злобой и растворилась в тумане.

– Доброе утро!

Тишина. Мерзкая тетка была соседкой по дому, Алиса встречала ее каждое утро, но та еще ни разу не ответила на жизнерадостное приветствие девушки, только глазами зыркала да кривила рот.

«Ну и ладно, может, завтра ответит?»

И снова – бег.

Упрямый утренний бег.

Приехав в Москву, Алиса дала себе слово никогда не сдаваться, потому что знала, что иначе здесь не выжить. Ей сказали, что Москва – город жесткий, вскоре девушка узнала, что ей не лгали, и теперь брала столицу штурмом, не допуская мысли о том, что иногда из тактических соображений лучше отступить, а то и вовсе проиграть.

Только вперед!

Как сейчас, по чавкающей листьями дорожке.

Алиса выбежала за поворот, сбросила скорость, перейдя на быстрый шаг, и стала спускаться во влажный сумрак низины. Уклон дорожки был не очень крутым, но лужи и листья сделали ее опасно скользкой, вот девушка и осторожничала. И как вскоре выяснилось, не напрасно. Когда Алиса преодолела половину склона, откуда-то спереди, кажется, из тени мокрых кустов, послышалось негромкое рычание. Низкое, хриплое и злое. От неожиданности девушка «ойкнула» и остановилась, а в следующий миг разросшиеся за лето ветви разошлись, и на дорожку медленно вышла громадная псина.

К счастью, к огромному, невероятному счастью, собака оказалась к девушке спиной – что-то так сильно привлекало ее на спортивной площадке, что она не обратила внимания на замершую Алису.

Зверюга была гладкой, с виду – скользкой, как мокрая крыса, а поскольку стояла к девушке задом, Алиса видела лишь костлявые бока, обрубок хвоста и черную шерсть на загривке, напоминавшую не то свалывшуюся львиную гриву, не то побитый молью воротник из чернобурки.

И собака продолжала рычать. Чуть тише, чем несколько секунд назад, но страшно. Как непрерывно работающий механизм. И еще, кажется, зверюга пыталась сопротивляться невидимому поводку, за который ее тащили к площадке, и именно поэтому не могла повернуться к Алисе. Собака упиралась лапами, мотала тяжелой башкой, пыталась отступить, но тот, кто ее тащил, был много сильнее, и она дюйм за дюймом приближалась к площадке.

Алиса зажала рот рукой и со страху чуть не прокусила палец, когда, отступая по скользкому асфальту и жухлой траве, наткнулась спиной на ствол дерева. Сообразив, во что уперлась, девушка юркнула за каштан, потом – за корявый тополь, на который в случае чего можно было забраться, почувствовала себя в относительной безопасности, и только после этого выглянула из укрытия.

На площадку выбежал очень высокий мужчина и что-то хрипло прокаркал жуткому псу. Что именно – Алиса не поняла, до нее долетали лишь отдельные звуки. Но злобная скотина и не подумала слушаться. Она перестала рычать, резко оттолкнулась всеми четырьмя лапами и прыгнула на мужчину. Тот принял удар на грудь, но не устоял, и оба покатались по земле. Сверкнула короткая огненная дуга. Мужчина каким-то чудом ускользнул от смертоносных клыков, оттолкнул зверя, поднялся, отпрыгнул – и все это с невиданной скоростью, – легко оторвал железную перекладину турника и с размаху огрел ею бросившегося в следующую атаку пса – сбил на лету. Зверь взвыл, кубарем покатался по земле, врезался в спортивную стенку, со скрежетом прогнувшуюся от удара, вскочил и, ободрав бок о порванную перекладину, бросился из туманной низины прочь.

Он мчался неестественными прыжками, высоко подсакивая и мощно отталкиваясь всеми четырьмя лапами. Мелькнула раскрытая пасть, порванный бок, с которого свисал лоскут шкуры, и пятнистая черно-белая кожа под ней... Словно внутри костлявого зубастого чудовища спрятался долматинец. По крайней мере, Алисе так показалось. Ни жива ни мертва, девушка поискала глазами мужчину, которого после того, как он разворотил турник, боялась ничуть не меньше, чем его жуткого питомца, но не увидела. Спортивная площадка опустела. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Алиса оттолкнулась от ствола и, не разбирая дороги, сначала по газону, потом сквозь кусты, рванула к проступавшим из тумана домам. Она хотела кричать, но боялась, и плакала беззвучно, тяжело, со свистом, дыша.

Проломившись через кусты, девушка выскочила на дорожку и закричала, услышав залихватистый лай.

– Терри, фу!

– Нет!

Алиса упала на колени и закрыла лицо руками.

– Девушка, девушка! Ну что ж вы так испугались, нельзя же так, он же вам ничего не сделал, он сам не ожидал... вы из кустов выскочили... Даже я испугался.

Через несколько секунд Алиса поняла, что слышит приятный мужской голос, а об ее бедро трется что-то теплое и мягкое.

– Терри, пошел вон!

Теплое перестало тереться, раздался шлепок и обиженное поскуливание.

– Там в парке собака! – прошептала Алиса, убрав руки от лица. И медленно поднялась на ноги. – Собака!

– Их тут много, – дружелюбно ответил молодой, лет двадцати, парень, кивнув на своего питомца. – Вот, Терри, например. Кстати, меня зовут Саша... Вы нас простите, пожалуйста, мы не хотели вас пугать. Мы сами вас испугались, правда, Терри?

Алиса, дрожавшая всем телом, слабо улыбкунулась в ответ и оглянулась. Лохматый черный терьер обиженно дышал, вывалив красный язык, и пожирал глазами крутобокий мячик, за которым, видимо, бежал, когда на него вывалилась девушка. Вид у пса был озадаченный. Неожиданно и безвинно получив ремешком по спине, он боялся подойти к любимой игрушке и не понимал, ревновать хозяина к новой знакомой или защищать от нее.

– Сидеть, я сказал, – на всякий случай повторил Александр. – Вы нас не бойтесь. Мы с вами соседи, я вас часто здесь вижу. Вас как зовут?

– Алиса, – сказала девушка.

– Очень приятно.

– Мне тоже... – И тут она опомнилась. – Саша! Там бегают здоровенная псина без поводка. Очень злая. На мужчину напала! Вы с Терри уходите отсюда. Правда, правда, давайте уйдем! И надо позвонить, чтобы кто-нибудь приехал. Она же злая!

– Алиса, ну что ж вы так собак боитесь! Это ж братья наши меньшие...

В следующее мгновение из глубины парка донесся женский крик, перешедший в истошный визг, а затем резко оборвавшийся. Улыбка сползла с лица Александра, а Терри потерял интерес к мячику и встал перед хозяином, повернувшись в сторону возможной угрозы.

– Скандинавская ходьба, – безучастно прокомментировала Алиса, тихонько всхлипнула и снова закрыла лицо руками.

– Что? Ах да... злая тетка из третьего подъезда, которая ни с кем не здоровается?

– Ага.

– Вот так один придурок всех напугает, на следующий день придешь, а тут общественность, депутат и табличка «Выгул собак запрещен!» – Александр зло плюнул под ноги. – Алиса, вы идите домой и ничего не бойтесь, мы с Терри разберемся, – он ободряюще улыбкунулся девушке. – Это мы только с испуганными девушками такие безобидные, правда, Терри?

Черный терьер оскалил зубы.

– Не ходите туда! – испуганно попросила Алиса. – Не ходите ни в коем случае!

А где-то под ее ногами, в сплетении коридоров и подземных залов, в темноте Лабиринта, послышался тихий, слегка дрожащий голос, шепчущий странные строки:

В вечной дреме и в короне туша страшная лежит,
Не проснется, не задышит, никуда не убежит.
Ей, умершей королеве, вечно снится вещий сон, —
Спящий Бог ее назначил мертвым сторожем времен...

Глава 1

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Хромова, 17 октября, понедельник, 14:16

«В связи с увеличением потребительского спроса, колебаниями мировых валют и сезонным снижением уровня магической энергии в Колодце Дождей, Ее Величество королева Всеслава и казначейство Великого Дома Людь вынуждены объявить о повышении тарифов на магическую энергию...»

Дальше Тина читать не стала. В самом деле, зачем продлевать сомнительное удовольствие? В таких случаях лучше сразу переходить к народной мудрости и утешаться тем, что не в деньгах счастье. А деньги, как известно, к деньгам. Ну а расходы, по всей видимости, к расходам, и остается лишь придумать, как поскорее установить нормальное соответствие между постоянно растущими расходами и доходами, которые не торопятся бежать следом.

Такая вот тяжелая ведьмина доля...

С позитивным настроем не заладилось, и Тина пожалела, что просмотрела электронное письмо, испортив настроение на весь день. Видела же, что оно из казначейства! Видела! А что хорошего может оттуда появиться? Ничего, кроме налоговых требований и таких вот «уведомлений»... «В связи с колебаниями валют»! С тех пор как Всеслава поставила во главе казначейства шаса, финансы Великого Дома Людь обрели, что называется, второе дыхание, собираемость средств неожиданно подскочила, и даже Тотализатор принялся активно перечислять крупные суммы на счета короны, хотя с самого начала времен ко́нцы умело «работали» с зелеными ведьмами, во имя снижения налогового бремени. Увы, но знаменитая семейная тайна на старого шаса не действовала, его интересовало исключительно золото, которое он умело вынимал из всех, из кого имел полномочия вынимать. А заодно повышал тарифы, зорко следуя за инфляцией и «колебаниями валют».

Старый скряга!

Мечты о квартире в Москве в очередной раз грозили пойти прахом. Тина отправила письмо в корзину, вскочила со стула, яростно сжала кулаки, несколько секунд постояла посреди комнаты, сделала пару шагов и с размаху плюхнулась на диван.

Квартира в Москве у нее была. Та самая, в которой она сидела сейчас на диване, проклинавшая жадность Великого Дома Людь, а точнее, его главного казначея из Великого Дома Навь. Добротную «двушку» на первом этаже, пусть и не в центре, Тина купила несколько лет назад, но сейчас она загорелась идеей окончательно превратить ее в офис, а самой перебраться куда-нибудь еще, и вот эти мечты становились призрачными.

Ведьма, которая работает дома, это ведьма, у которой по факту нет ни дома, ни нормального офиса, а есть только диван в углу и кофеварка. Большая комната превращена в приемную, маленькая – в лабораторию, на кухне все время приходится наводить морок, чтобы какой-нибудь затейливый ингредиент, вроде сушеных жаб или зубастых червей Гланамы, не попался на глаза посетителям. Но маскировать приходилось не только кухню, однажды морок слетел с бокала, и допившая «очистительный отвар» посетительница увидела ползающего по дну червя. Именно зубастого. Гостиную тогда пришлось отмывать с помощью дорогостоящих магических средств.

Другими словами: ведьма, работающая на дому, – это ведьма, живущая на работе. А девушке хотелось уюта.

Тина вздохнула и обвела критическим взглядом комнату – не так уж плохо, если прибраться. Беда в том, что прибираться она любила меньше, чем претворять в жизнь интересные идеи и воплощать грандиозные замыслы. С тех пор, как дала трещину ее самая главная мечта – о блистательной карьере в Тайном Городе, любое вынужденное изменение планов девушка воспринимала крайне болезненно.

Причем нельзя сказать, что ее не предупреждали о том, что жизнь в Тайном Городе скорее испытание, чем удовольствие. За многие тысячелетия до того, как на территории современной Москвы появились первые поселения, Тайный Город уже жил своей жизнью: противостоял угрозам, менял правителей, управлялся хитроумными серыми кардиналами и лучился высшей магией Источников. Самым правильным для человеческой полукровки было бы оставить его в покое, но девять лет назад Тине исполнилось всего восемнадцать, и она не верила в неприступность Тайного Города, вкладывая в это неверие весь пыл юношеского максимализма.

– Почему ты ничего не рассказывала?! – выкрикнула девушка, с возмущением глядя на мать.

– Ирочка, послушай...

– Зачем я теряла время в обычной школе, когда могла учиться магии? Настоящей магии! А ты таскала меня по психологам, чтобы я лучше уживалась в детском коллективе. Мама! Как ты могла так поступить? Ты ведь сама волшебница! Ведь волшебница?

– Да, – вздохнула женщина.

– Зачем ты все бросила и уехала? Почему?!

Тина замолчала и пристально посмотрела на маму. Та не отвела взгляда, и Тина, которая с детства безошибочно определяла, лжет человек или говорит правду, поняла, что сейчас мать с ней откровенна.

– Если бы я осталась в Тайном Городе, возможно, мы обе не дожили бы до сегодняшнего дня.

– Почему?

– Потому что я хотела родить ребенка от любимого мужчины. Я хотела, чтобы ребенок выжил, а его отец не проклинал нас из-за разрушенного брака и поломанной карьеры.

– То есть папа жив? – растерялась Тина.

– Он не знает о твоём существовании. – Мама хрустнула пальцами. – Твой отец – рыцарь, командор войны, один из высших боевых магов Ордена. Мы любили друг друга, но он по своему положению не имел права на полукровку и уж тем более – на мезальянс. Его жена из знатной семьи, не ведьма, конечно, однако могла с легкостью натравить на нас лучших наемников Города. Или пожаловаться брату, а ее брат, между прочим, рано или поздно возглавит ложу превращений... Так что я не рискнула связываться и уехала.

Половину сказанного Тина не поняла совсем, половину пропустила мимо ушей и смогла лишь растерянно произнести:

– Вот так, да? Просто уехать от папы.

– На тот момент это был лучший для нас выход, Иришка, – печально ответила женщина.

– Лучший... Слушай, мам, если ты ведьма, а папа – маг, и при этом я ваша дочь... – От предвкушения у Тины на мгновение закружилась голова. – Я поеду в этот Тайный Город! Ты сказала, это в Москве, да? Я еду в Москву! У меня все ЕГЭ за семьдесят, куда-нибудь да поступлю. И я найду его! Если, как ты говоришь, мой отец там не последний человек...

– Он не человек.

А вот это было совсем непонятно.

– То есть, как это? В смысле? – Девушка машинально посмотрела на свои руки, словно они должны были покрыться чешуей, как у рептилии, или превратиться в кошачьи лапы. – А кто он?

– В Тайном Городе живут представители многих древнейших рас и народов, – рассказала женщина. – Некоторые выглядят совсем как люди, но генетика у них иная. Твой отец, Тина, чистокровный чуд, а его предки некогда правили Землей.

– Некогда?

– Тысячи и тысячи лет назад.

– И мой папа – представитель этой самой Чуды?

– Чуди, – поправила дочь женщина. – Великий Дом Чудь.

– Здорово! Получается, я смогу получить доступ ко всем их знаниям! В счет неуплаченных алиментов. Должен же он как-то поучаствовать в судьбе дочери.

В интонациях юной Тины послышались нотки, которые живо напомнили ее матери о шасах, – желание заполучить нужное любой ценой. На самом деле, конечно, шасы тут были ни при чем, а сказывалось бабушкино влияние. Старушка жалела дочь с ее «несложившейся» личной жизнью и при любом удобном случае учила внучку, как «правильно жить». К счастью, бабушка слыхом не слыхивала о Тайном Городе и понятия не имела, что ее дочь и внучка – ведьмы, иначе, возможно, ее наставления напоминали бы не шасские, а навские. Кровожадные.

Ирина тоже могла ничего не узнать о своем происхождении, но начиная с тринадцати лет у нее стали проявляться магические способности, и мама решила, что нужно открыть ей глаза.

Но только по окончании школы.

В конце концов, сбежав из Тайного Города, она приняла решение за всех. Возможно, тогда этот поступок действительно стал лучшим выходом из положения, но есть ли у нее право распоряжаться судьбой повзрослевшей дочери? Пусть уж ее дар будет ограничен мастерами.

– Как, говоришь, зовут моего папочку?

Нет, с таким настроением она скорее пропадет, чем чего-нибудь добьется.

– Ирина, Тайный Город – это не Москва, – серьезно произнесла мать. – В Тайном Городе не любят полукровок, да и чистокровных чело́в, то есть людей, честно говоря, не жалуют. Можешь ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь, но от меня ты имени отца не узнаешь. И я очень прошу не искать его и уж тем более – не шантажировать. Я не уверена, что ты способна вызвать у него отцовские чувства...

Но Тина ничего не слышала.

– Получается, я не Томила́на Ирина́ Сергеевна, а... Как зовут настоящих волшебниц? У меня есть древнее родовое имя? А может, титул? Почему я не могу узнать, кто мой отец? Я его дочь! В конце концов, генетическая экспертиза подтвердит мои права.

Бабушка! Ну, вылитая бабушка. И немного – отец.

– Все, что ты говоришь, имеет смысл в нашем мире. – Женщина попробовала еще раз достучаться до дочери. – Но к Тайному Городу эти законы не имеют никакого отношения. Там свои правила.

– Отлично! Расскажи мне о них! Кстати, мама, а какая во мне магия – черная или белая? А может так быть, что боевая или какая-нибудь необыкновенная, вроде некромантии?

И все-таки вывела из себя родительницу.

– Замолчи, упрямица! – крикнула женщина, и ее голос зазвенел от волнения. – Ира, ты не понимаешь, что за чушь несешь! Замолчи и слушай! Тайный Город – это не фэнтезийное кино и не онлайн-игра. Это настоящий и очень жесткий мир! Убийства в нем – повседневность. Власть принадлежит Великим Дома́м, и максимум, что тебе светит, – роль второго плана. Если ты войдешь в Город. А если не приживешься – тебе придется бежать, и не факт, что это тебе удастся.

– Тебе удалось.

– Хочешь пройти мой путь?

Ира почесала в затылке и честно ответила:

– Нет.

– Молодец.

– Но если в Тайном Городе так плохо, почему ты сбежала из него, лишь испугавшись мести женщины, которой ты наставила рога?

И матери стало понятно, что она не сможет отговорить Тину от поездки. Потому что...

– Магия... – прошептала она и против воли улыбнулась.

– Могущество? – тихо уточнила девушка.

– Могущество тоже, но это не главное – сама магия. Прикосновение к невидимому, странному, но имеющему силу. Ты обволакиваешь поток энергии и обращаешь его в дождь... Или в огонь... Или в предсказание... Со стороны кажется, что ты творишь из ничего, но ты управляешь чистой силой... – Женщина помолчала. – Магия завораживает.

На ее лице появилось мечтательное выражение, и Тина поняла, от чего отказалась мать ради нее. И Тине стало горько. И стыдно за все ее проделки и выходы последних лет.

Тина не сдержалась – обняла маму и тихо, но твердо произнесла:

– Я все равно туда поеду.

Услышала в ответ:

– Ты должна познать магию, Тина, иначе твоя жизнь не будет полной.

И она поехала.

О маминых предостережениях девушка вспомнила в конце первой недели обучения в школе Солнечного озера. Она сидела в одной из аудиторий трехэтажного особняка на Старой Басманной, невнимательно слушала белокурую учительницу, красивую, как фотомодель, и представляла себя в зените славы, могущественной волшебницей, на равных общающейся с самыми сильными магами Тайного Города, с королевой Зеленого Дома, со жрицами, с Великим магистром Ордена...

«Колодец Дождей», – вывела на доске учительница.

И повернулась к аудитории:

– Сегодня мы подробно разберем условия использования челами магической энергии Источника Великого Дома Людь. – Пауза. Надменная полуулыбка. Щелчок несуществующей фотокамеры. – Вы узнаете действующие тарифы, ознакомитесь с порядком контроля потребления, со штрафами и предупреждениями. – Люда обворожительно улыбнулась, но ее ярко-зеленые глаза были холодны, как два чистейших изумруда. – Записывайте, записывайте. А лучше – зарубите все это себе на носу.

– Простите, а устройство Источников вы нам разве не объясните? – неожиданно спросила Тина.

Несколько секунд белокурая ведьма изумленно смотрела на подавшую голос малолетку, после чего мелодично рассмеялась. Очень красиво и очень обидно. Высокомерный смех стал идеальным ответом, и своенравная Тина впервые в жизни последовала маминому совету держаться скромнее и заткнулась. И много чего переосмыслила, опираясь на бесконечный список предостережений, которым ее снабдили перед отъездом. С этого дня они перестали казаться надуманными, и девушка специально позвонила и поблагодарила за них свою заботливую родительницу.

Но вот удирать из Тайного Города Тина не собиралась. Какими бы неприятностями он ей ни грозил, он стал ей родным. Позволил девушке прикоснуться к магии.

Сделал ее другой.

Что же касается нынешних финансовых неприятностей, то по личной шкале Тины они не превышали самый низкий, начальный, уровень, который вполне можно пережить. Прощай,

шопинг в супермаркете Торговой Гильдии, услужливые менеджеры, вышколенные Биджаром Хамзи до такой степени, что начинаешь верить в их безграничную любовь, прощай, ароматный кофе и бесконечные демонстрационные залы.

Ну, не «прощай», конечно, а «до свидания», поскольку Тина планировала преодолеть кризис как можно быстрее. И единственное, от чего она не могла отказаться, так это от грабительского кредита за уютную квартирку вблизи Садового кольца. Квартира должна была стать ее домом в Тайном Городе. Тина мечтала о ней почти десять лет, так что ни повышение тарифов, ни уменьшение количества клиентов не могли заставить ее пойти на попятную.

Квартира будет ее – и точка!

Кредит же был взят в обычном человеческом банке и требовал предельно аккуратных выплат, невзирая на кризисы, жадность шасов и «колебания валют». Поэтому Тина вздохнула, открыла ноутбук и принялась изучать многочисленные счета, прикидывая, на чем еще можно сэкономить.

В Тайном Городе тщательно следили за соблюдением режима секретности, не позволяли применять магию для решения бытовых проблем, поэтому девушка даже думать не смела о том, чтобы отыскать богатого бизнесмена, накинуть на него подходящий случаю аркан и таким образом «уговорить» выплатить очередной взнос по ее кредиту. Деньги имеют свойство оставлять следы, бизнесмен побежит в полицию, та потянет за единственную ниточку, обязательно выйдет на скромную владелицу кредитной недвижимости и начнет задавать неприятные вопросы. Дело, разумеется, будет замято – Служба утилизации и не такие орешки колола, – но стоимость «замятия» окажется такой, что проще изыскать деньги разрешенными способами.

Или неразрешенными, но не оставляющими явных следов.

Тем временем туманные утренние сумерки окончательно растаяли, и за окном неохотно разгорелся промозглый осенний день.

Рабочий день.

Если судить по первой клиентке, очередной рабочий день Тины должен был стать весьма насыщенным. Молоденькая девчонка, представившаяся Алисой, показалась очень напуганной и совсем не походила на тех дам, которые верят объявлениям «Снимаю порчу, родовые проклятия и венец безбрачия, заговариваю зубы». Бесплатная газета, где Тина периодически размещала рекламные призывы к сотрудничеству, лежала между девушками на журнальном столике. Тина разместилась в уютном кресле, вальяжно закинув ногу на ногу, но благодаря наведенному мороку Алиса видела перед собой не красивую молодую девушку в свободной, мягко говоря, позе, а пожилую матрону с участливым материнским лицом. У Тины было несколько стандартных образов для отвода глаз, и она решила, что для напуганной девчонки идеально подойдет вариант «добрая тетушка». И не ошиблась: ледок первоначального недоверия растаял за рекордные сорок семь секунд, после чего Алиса отринула сомнения, если они у нее были, и подробно, изредка сбиваясь, но тем не менее весьма энергично изложила ведьме историю о черной собаке.

Которая, откровенно говоря, не произвела на Тину особого впечатления.

– Почему ты решила, что пес инфернальный? – осведомилась она, с большим трудом удержав участливый тон. – И чем конкретно он тебе угрожает?

– Тот... – Девушка облизнула пересохшие губы. – Тот парень, Александр... он что-то увидел в парке. – Алиса понизила голос до шепота и сплела дрожащие пальцы. – Я думаю, его убили. И меня убьют, если вы не поможете.

– Как так убили? – таким же трагическим шепотом спросила Тина.

– Его сбила машина!

– Ты сказала, что после того, как парень свистнул терьера и пошел разбираться вглубь парка, ты убежала домой!

– Да. Я... Я не знала, что делать, – призналась девушка. – Я переделалась, собралась в институт, вышла на остановку, а там толпа людей и полиция. И все говорят, что его сбила черная «Мазда». И собаку тоже! – Алиса в ужасе прижала ладони к щекам. – Но я не верю! Это черный пес его убил!

– Алиса...

– Пес во всем виноват! Пес загрыз Сашу и вытащил на дорогу.

Если допустить, что к происшествию причастен кто-то из Тайного Города, то, конечно, не пес, а его хозяин. Ну, в смысле, пес, или кто там на самом деле, действительно сорвался с поводка, растерзал случайную прохожую, затем свидетелей, а хозяин, не желая проблем со Службой утилизации, представил все несчастным случаем.

Возможно?

Еще как!

«Скорее всего, где-то поблизости живет рыцарь с каким-то домашним питомцем. Например, с мантикорой. Во время прогулки поводок оборвался, тварь освободилась, сбежала, возможно, испугалась, вот и принялась убивать окружающих...»

Оставалось заглянуть в телефонный справочник, узнать, кто из магов Тайного Города обретается неподалеку от дома девчонки, проверить зарегистрированных питомцев и нанести подозреваемым визит.

«Но сначала нужно проверить в Службе утилизации, был ли у них вызов на замечание следов».

Дело выглядело несложным, но финансово перспективным. Если таинственный маг действительно решил уладить проблему самостоятельно, он наверняка не откажется выписать Тине небольшую премию за молчание. Все равно это обойдется дешевле разборок со Службой.

Погрузившись в размышления, ведьма совершенно позабыла о посетительнице и, лишь увидев удивленное выражение на лице девушки, поняла, что слишком долго не поддерживает разговор. И неловко хохотнула:

– Извини, задумалась.

– Я заметила, – не очень довольна уточнила Алиса.

– И еще я попыталась представить, как собака перетаскивает жертв на дорогу, а затем впускает прохожим, что несчастных сбила машина.

– А если это была не собака? – осторожно предположила посетительница.

– А кто?

– Демон в образе собаки.

– Посланец ада?

Алиса нахмурилась:

– Вы мне не верите?

– Ты пришла, чтобы разобраться в этой истории, – мягко произнесла Тина. – Вот мы и разбираемся. Дотошно.

– А-а... – поразмыслив, Алиса признала правоту ведьмы, чуть успокоилась и продолжила: – Машина сбила только Сашу и Терри, а что случилось с неприятной женщиной в желтом, я не знаю.

– О ней вообще ничего не известно?

– Я ее больше не видела.

– Та-ак... – Тина заготовила еще одну успокаивающую фразу, однако не успела ее произнести.

– Там же был мужчина! – вспомнила Алиса. – На спортивной площадке был мужчина! Который оторвал перекладину от турника.

– Да, ты говорила...

– Я потом приходила на площадку: турник действительно сломан.

– Верю, верю...

– Вдруг он хозяин пса? Испугался, что его раскроют, вот и перенес Сашу и Терри на дорогу.

– Кто раскроет? – не поняла Тина.

– Вы.

– А-а...

– Вы должны раскрыть, – вернулась к умоляющему тону Алиса. – Вы должны помочь. Из всех телефонов только ваш ответил!

– Из каких телефонов? – окончательно запуталась ведьма.

– В объявлениях, – объяснила девушка. – Мне в метро сунули в руки газету. Я подумала, что это не просто так, и стала звонить.

«Ах, вот в чем дело!»

В Тайном Городе в совпадения верили только в том случае, когда были исключены все остальные варианты, а значит, встреча со странной собакой запустила цепочку событий, которые привели Алису к Тине. И речь в данном случае шла не о чьем-то умысле, нет: девчонка прикоснулась к настоящей магии, и та потащила ее за собой.

– Ты все сделала правильно, и я тебе обязательно помогу, – проникновенно произнесла ведьма, глядя Алисе в глаза. – Ничего не бойся.

И бросила быстрый взгляд на циферблат висящих позади девчонки часов, отметив, что пора выезжать на встречу с клиентом.

– Сколько я вам должна?

– Пока нисколько.

Тина не занималась благотворительностью, но не собиралась выдавливать норму прибыли из всех окружающих, она ведь не шаса. Решила, что сначала проведет комплексную проверку, определит подозреваемых и уж потом подумает, стоит ли брать деньги с напуганной девчонки. Возможно, услуги дипломированной колдуньи сполна оплатит владелец рехнувшейся «собачки». Или Служба утилизации – за ее сообщение.

Но это – потом.

Пока же Тина напоила Алису чаем с умиротворяющим сбором «Добрые мысли», пообещала, что уже сегодня проведет обряд изучения астральной границы, чтобы узнать, не проник ли на Землю inferнальный пес, выпроводила успокоившуюся девчонку из квартиры и принялась торопливо собираться.

Она ужасно опаздывала.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 17 октября, понедельник, 15:09

Уйбуй Дрезина Шибздич впал в немилость великого фюрера Кувалды.

Снова.

Только на этот раз Дрезина вляпался серьезно, поскольку по приказу отца бутовской нации был взащей вытолкан за ворота Форта. Вытолкали в том, в чем был, не позволили даже прихватить из тайника пару-тройку бутылок виски, что было за пределами суровым наказанием, ибо без этого живительного напитка мозг Красных Шапок функционировал с ничтожно низ-

ким КПД, что могло привести к трагической гибели дикаря, оказавшегося один на один со страшным окружающим миром.

– Слышь, Дрезина, почему Кувалда на нас взелся? Мы же не у него виски сперли! – поинтересовался боец Стамеска, оказавшийся, как всегда, по правую руку от уйбуя.

– Великий фюрер пообещал «Средству от перхоти» защиту и покровительство, – ответил Дрезина, выплевывая на ладонь зуб.

– В «Средстве» все воруют, – убежденно возразил Стамеска.

– Все воруют помаленьку, – объяснил уйбуй, одновременно проверяя языком остальные зубы. – А мы помногу. – Заодно подумал – ну, раз уж зуб все равно шатался, так что не жалко. И выбросил его прочь. – Говорил же: не берите ящик.

– Уж больно сподручно получалось ящик взять, – посетовал Стамеска, поправляя сползшую бандану. А когда поправил – под левым глазом обнаружился грандиозных размеров синяк, поставленный, скорее всего, прикладом дробовика.

– Сподручнее, но заметнее, – вздохнул Дрезина.

– Кто ж знал, что нас в кино будут фотографировать, – развел руками боец, имея в виду запись на следящей видеокамере.

– В следующий раз будем ловчее.

– Чтобы следующий раз был, надо вернуться в Форт, а нас туда не пустят, – неожиданно разумно произнес Стамеска.

– Выкрутимся, – пообещал Дрезина.

– Давайте потребуем репатриации! – донеслось справа от него. – Так не поступают с законопослушными гражданами и потенциальными избирателями!

Уйбуй крикнул от неожиданности и повернул голову на звук: до сих пор он почему-то считал, что из Форта выкинули только его и Стамеску, а получилось, что расширенным составом.

– Тыква?

– И еще моральный износ тоже, – пробубнил лежащий лицом вниз боец. – И пусть не врут, что его нет. Я законы знаю, я два раза адвокатов грабил.

– Морально у нас у всех проблемы, – поддержал приятеля Стамеска. – Меня, пока таскали, три раза очень нехорошим словом назвали, как будто на мне можно жениться.

– Как будто ты Кончита? – уточнил Тыква.

– Не, у кончит борода, а у нас волос не растет. – Стамеска постучал себя по лысой, как шея птеродактиля, голове. – Просто так обозвали.

– Это они в толерантности испражняются, – подумав, сообщил Дрезина. Но не стал говорить, что его тоже так называли, чтобы не потерять среди подчиненных авторитет.

– Упражняются, – поправил уйбуя Стамеска.

– Упражняются дети, когда примеры по математике решают, а эти испражняются, – не согласился Дрезина, припоминая, с какой злобой произносили обидные слова подручные великого фюрера. Заметил сразу за Тыквой еще одно тело, но спрашивать, кто это, не стал, потому что сначала тело должно очухаться и обозначить себя как боевую единицу. – А раз мы стырили виски, за который Кувалда поручился, получается, что мы пошли против фюрера.

– То есть мы теперь оппозиция? – сообразил Тыква.

Чем вызвал у сородичей ожидаемое замешательство.

– Не, сначала мы изгой, – попытался идентифицировать себя Дрезина, но был перебит слишком умным бойцом.

– Не из гои, а из Форта, – уточнил Тыква. – Но оппозиция лучше, потому что они богатые.

– Да ладно, – не поверил Стамеска. – Если они богатые, то зачем оппозиция?

– Потому что хотят стать еще богаче, – как «дважды два» доказал недоверчивому приятелю Тыква. И следующими ходом поставил ему мат: – Я точно знаю, что богатые, потому

что они денег всем дают просто так. Я пошел – мне дали, а всего-то надо было по улице прогуляться.

– Я тоже тогда ходил, – припомнил Стамеска. – Только пьяный был и не помню. Много денег дали?

– Ты на них и напился, – ушел от прямого ответа Тыква. Потому что именно он выскреб из карманов упившегося приятеля остатки наличных.

И оба бойца вопросительно посмотрели на уйбуя. В смысле, раз он теперь оппозиция, то должен дать денег.

– Власть фюрера нерушима, – мрачно изрек Дрезина, у которого денег не было. – Она овееяна древними вискикурнями и приносит нашему великому народу только хорошее.

– Насчет хорошего ты погорячился. Я, например, от мордобоя не в восторге, – не стал скрывать Тыква. – Я себя еле-еле обратно в кучку собрал.

– А был бы ты оппозиция, тебя бы и вовсе на ленточки порезали, – наставительно сообщил уйбуй. – На белые.

– Белые больше неактуально, – сообщил Тыква.

– А что актуально? – сдуру брякнул Стамеска.

И услышал перспективное:

– Актуально – бороться с коррупцией.

– Актуально – это что? – попросил напомнить Дрезина.

Непонятные слова всегда вызывали у него тревогу, и задавая вопрос, Дрезина на всякий случай нащупал в кармане кастет.

– Актуально – это за что сейчас платят.

Против такого расклада уйбуй ничего не имел, но не мог не уточнить:

– А с чьей коррупцией будем бороться?

– Ну... Пусть с Кувалдиной, – предложил Тыква.

– Тогда нас в Южный Форт никогда не пустят, – мрачно предсказал Стамеска, и Дрезина, поразмыслив, с бойцом согласился.

– А мы сами войдем! – пообещал Тыква. – Мы будем власть!

– Где?

– Здесь!

Но на этот раз он перестарался.

– Здесь власть я, – сообщил Дрезина, а для закрепления материала вмазал смутьяну кастетом в ухо.

Тыква, который благоразумно вел пропаганду, не поднимаясь с земли, вновь уткнулся в нее носом и захныкал.

– Но если мы не оппозиция и не Красные Шапки, то кто мы? – неожиданно спросил Стамеска.

– А тебе зачем?

– Изгой – это звучит позорно.

– Я кино про самого первого изгоя смотрел, оно клевое, – проныл Тыква.

– А мне показалось, я тебя убил, – протянул Дрезина, задумчиво разглядывая сплеховавший кастет.

– Пусть тебе что-нибудь другое покажется.

– Кто мы теперь, Дрезина? – продолжил Стамеска. – Кто мы, если не десятка шибздичей под знаменами великого фюрера Кувалды и не оппозиция! Чего молчишь?

– Тогда мы анархисты, – подсказал Тыква, на всякий случай прикрывая ухо рукой. – Анархия – мать порядка!

– Я, мля, вам щас покажу анархию! – грозно рявкнул уйбуй. – Анархию Великие Дома не потерпят.

- А кто мы?! – взвыл потерявший самоидентификацию Стамеска.
- Мы – частная армия! – проблеяло тело, которое до сих пор молча шевелилось позади Тыквы. – Интернациональная. На кого хотим, на того и работаем.
- Кто?
- Я их в телевизоре видел, – сообщило тело, по-прежнему оставаясь за Тыквой. – Крутые перцы, которые приходят и решают.
- Что решают?
- Этого я не видел, потому что телевизор упал.
- А когда у нас было землетрясение? – недоуменно поинтересовался Стамеска.
- Он потому упал, что началась драка, – поведало тело.
- А-а... Так бы и сказал.
- Я так и сказал.
- Сказал бы, что телевизор начал драться.
- Он не начал, а упал.
- А-а...
- Ты вообще кто? – поинтересовался уйбуй, и Шапки враз умолкли.
- Даже тело.
- Потом оно поняло, что Дрезина обратился к нему, и задумалось:
- Э-э...
- Ты почему здесь? – поддакнул командиру Стамеска.
- Я... Вот! – Тело привстало, оказавшись тощим бойцом, и продемонстрировало шибидичам здоровенную шишку выше правого глаза.
- Ты боец Шишка? – попытался расшифровать загадку Дрезина.
- Не знаю, – жизнерадостно ответило тело. – Не помню.
- Не похож он на Шишку, – с сомнением отметил Тыква. – А на кого он похож, я не пойму.
- А если мы его все равно не знаем, давайте скажем, что это он виски стащил, – предложил Стамеска. – А мы типа невинно им оболганные.
- А если они его спросят? – поинтересовался Дрезина, которому идея в целом пришлась по душе.
- Так он все равно ничего не помнит!
- Гм...
- Его в кине нет, – печально поведал Тыква.
- В какой?
- Которую сняли про то, как мы ящик виски воруем.
- Скажем, что он в нас замаскировался.
- Не поверят.
- То есть я не изгой с вами?! – обрадовалось тело. – Я могу сейчас в Форт пойти?
- Заявление вызвало у спутников мрачную печаль. Все понимали, что тело право, что оно может вернуться в любимую семейную крепость с ее резкими запахами, уютным «Средством от перхоти», переключками и перестрелками, и все телу завидовали. И напрягали еще пропитанные алкоголем мозги в надежде придумать какую-нибудь гадость.
- Не получится, – хихикнул Стамеска. – Тебя ведь били?
- Били, – не стало отрицать тело, трогая себя за повреждения.
- А раз тебя били, значит, ты виноват.
- У нас просто так не бьют, – поддержал приятеля Тыква. И с надеждой посмотрел на уйбуя. – Так ведь?
- Так, – согласился Дрезина. И не замедлил уточнить: – Я тебя бил совершенно заслуженно.

- Ну...
- Что?
- Заслуженно, – пришлось признать Тыкве.
- А тело загрустило:
- Получается, я тоже преступник?
- Ну, раз били, значит, получается, – кивнул Дрезина. – Только ты скажи, как тебя звать, а то я тебя, бандита, не припомню.
- М-мэ...
- Тогда будешь пока Четвертым, – решил уйбуй, по очереди загнув пальцы левой руки пальцами правой. – И говори, где частные армии финансирование берут? Потому что выпить нам надо, а с деньгами туго, мы не оппозиция.
- У наркобаронов берут, – припомнило подробности телепередачи бывшее тело. – У спецслужб человеческих, еще у олигархов...
- То есть снова возвращаемся в мир разбоя и грабежа, – резюмировал Дрезина.
- А мы его покидали? – удивился Стамеска.
- Пока без сознания были.
- Ну, разве что.
- Машину сначала угнать надо, – проворчал Тыква. – Я без машины разбойничать несогласный.

* * *

Ресторан «Обломов»

Москва, 1-й Монетчиковский переулок, 17 октября, понедельник, 15:10

Получив диплом школы Солнечного озера, который в ее случае являлся скорее пропуском в Тайный Город, чем показателем знаний и навыков, Тина принялась постигать колдовское искусство на собственном опыте, периодически открывая для себя прописные истины. Как это ни странно, открытия далеко не всегда приносили ей горькое разочарование или приводили к появлению очередной болезненной шишки. Напротив, некоторые «собственные» изобретения девушки сулили легкие и довольно большие деньги, как, например, в случае с Платоном Мироновичем и его дражайшей супругой Эсмеральдой Семеновной.

Придуманное мошенничество Тина назвала «двойным форсажем», вела его больше месяца и сегодня готовилась собрать урожай.

Платон Миронович Сергеевич работал с недвижимостью, его дражайшая супруга Эсмеральда Семеновна Сергеевич числилась домохозяйкой. Людьми они были зажиточными, но не всегда.

Платон Миронович начинал в родном Житомире простым агентом по продаже недвижимости, с утра до ночи крутился как белка в колесе, выкладывался по полной, «горел на работе» и постепенно пришел к успеху: открыл собственную фирму, начал инвестировать в строительство, почуял, что получается, рискнул и сменил место жительства, понимая, что в бывшей имперской столице крутятся совсем иные деньги. Ставка сыграла не сразу, но благодаря надежным связям бизнес пошел в рост и в Москве, и вскоре подслеповатый доходяга в мятой пиджачной паре с Привоза превратился в уверенного и хваткого дельца. И старая жена

стала мешать, как мешает расправившему крылья орлу прикованная к лапе гирия. Жену нужно было срочно менять.

Будучи человеком последовательным и организованным, Платон Миронович внимательно перебрал возможные кандидатуры из числа длинноногих сотрудниц и деловых знакомых, прикинул, с кем будет не стыдно появиться в обществе, и принял решение в пользу ста семидесяти пяти сантиметров роста и диплома МГУ. Тем же вечером он объявил жене о разводе. Эсмеральда Семеновна закатила грандиозный скандал – к нему Платон Миронович был готов, – ничего, разумеется, не добилаясь, бросилась к адвокатам, а когда те развели руками – к экстрасенсам. В них оскорбленная женщина верила больше, чем в юристов, и потому, помывшись между потомственными шарлатанами, оказалась в квартире Тины – потная, злобная, никчемная и глубоко несчастная.

– Я хочу, чтоб он сдох! – орала в тот день Эсмеральда, потрясая массивными кулаками, сделавшими бы честь любой торговке рыбой. – Чтоб сгнил, сволочь неблагодарная! И побыстрее. Только пусть сначала завещание напишет. – Пауза. – Мы сможем это организовать?

– Мгновенная смерть – это к конкурентам вашего мужа, – холодно ответила ведьма, разглядывая многочисленные кольца с крупными камнями и толстые, пошлые браслеты, которые украшали жирные лапищи несчастной женщины. Изделия выглядели крикливо, но при этом четко обозначали финансовый статус собственности. – Я такими вещами не занимаюсь.

Несколько секунд Эсмеральда Семеновна тарашилась на Тину, хлопая приклеенными ресницами, после чего уточнила, что убивать мужа она тоже пока не готова.

Потому что в противном случае ей попросту негде будет кормиться.

– Я хочу, чтоб он страдал, как я, – объяснила она, держа себя за левую грудь – в какой-то момент от переживаний ей «стало плохо». – Пусть мучается!

– Это можно устроить, – повеселела ведьма.

– Чтобы ему ни днем ни ночью покоя не было!

– За ночные кошмары придется доплатить.

– Почему?

– В темноте работать сложнее.

Несколько секунд мадам Сергеевич пыталась понять, издевается над ней Тина или говорит всерьез, решила, что все по-настоящему – не будет же скрюченная, но крепенькая старушка в черном плаще лгать! – и уточнила:

– Он точно будет мучиться по ночам?

– Гарантирую.

– Тогда доплачу. – И выставила следующее требование: – И чтобы у Платоши на ту сучку ничего не поднималось!

– Не желаете лично засвидетельствовать выполнение этого пункта?

– Предлагаете побывать в спальне?

– Можно устроить за дополнительную плату.

– М-м-м... – Перед Эсмеральдой Семеновной встал сложный выбор: ей очень хотелось посмотреть на фиаско неверного Платоши, но она стеснялась признаться в этом «старой» ведьме.

– Подумайте пока, – предложила Тина и достала чистый лист бумаги: – А пока заключим с вами простой рукописный договор без нотариального заверения.

– О чем? – поинтересовалась мадам Сергеевич, не прикасаясь к протянутой авторучке.

– Если в результате моих действий Платон Миронович Сергеевич примет ваши условия развода, я получаю триста тысяч.

– Сколько?! – изумилась Эсмеральда Семеновна. И темные усики на ее верхней губе приготовились задрожать в праведном гневе.

– А сколько вы планировали мне заплатить? – не менее изумленно осведомилась Тина.

– Ну... тысяч десять.

– За половину состояния?

– Мы говорим о порче, – напомнила мадам Сергеевич.

– Мы говорим о разводе, – парировала ведьма.

– Как я узнаю, что Платоша согласится на условия в результате ваших действий?

– Он попросит снять порчу.

– А-а... – Эсмеральда Семеновна попыталась отыскать брешь в логических построениях «старухи», но не смогла. Сейчас мадам Сергеевич меньше всего напоминала несчастную, брошенную женщину, ну разве что потела с прежней интенсивностью, зато полностью соответствовала образу торговки с Привоза, готовой биться за каждый протухший плавник. – А если я решу вас обмануть?

– Все норовят обидеть бедную пенсионерку, – печально произнесла Тина, вспомнив, в каком образе находится.

Эсмеральда Семеновна изволила громко хохотнуть.

– Но если вы меня обманете, то следующую порчу я наведу на вас, – продолжила ведьма, вперившись взглядом в чугунные глаза мадам Сергеевич. – И уже вам, Эсмеральда Семеновна, придется поделиться половиной состояния. В мою пользу.

Несколько секунд будущая богатая и свободная женщина пыталась выдержать взгляд «старухи», сдалась и взяла протянутую авторучку.

Сделка была заключена.

Тем же вечером Эсмеральда Семеновна позвонила неверному благоверному, послушала его смешки по поводу последней неудачи юристов, прошипела, что насылает на него порчу, отключила телефон и уехала к двоюродному брату в Жмеринку.

А жизнь Платона Мироновича превратилась в ад.

Вместо лиц он стал видеть дьявольские рожи, вместо московских улиц – руины, покрытые хлопьями черного пепла, еда на его столе покрывалась тонкой пленкой зеленой плесени, а в бокалах и чашках поселились пауки и черви. И если поначалу внезапные видения приходили изредка и ненадолго – Тина не форсировала события, – то к концу недели несчастный бизнесмен в прямом смысле слова переселился в свои видения.

Тем не менее господин Сергеевич продержался еще четыре дня. Он боялся выходить из дому, выгнал невесту, ел с завязанными глазами, вызывал к себе лучших врачей, но ничего не помогало. В конце концов Платон Миронович сдался и сделал Эсмеральду Семеновну не только свободной, но и богатой женщиной.

Основные документы они подписали вчера поздно вечером, дальше предстояли только формальности, Тина получила гонорар и теперь собиралась лично снять порчу, а заодно придать смысл слову «двойной» в придуманной ею схеме.

В самом начале третьего девушка припарковала автомобиль неподалеку от дорогого ресторана, в котором любил обедать несчастный Сергеевич, уверенно вошла в зал, небрежно бросив администратору: «Меня ждут», остановилась в дверях и оглядела столики.

Для встречи с «Платошей» Тина выбрала образ «высокомерная стерва»: черные выющиеся волосы, нос с привлекательной горбинкой, большой рот, ярко-красная помада, ярко-красные ногти и черное платье. Не мини, но и не в пол, элегантное платье с открытыми плечами, ласково облегающее прекрасную фигуру.

В действительности девушка явилась на встречу в джинсах, кроссовках и бесформенной вязаной кофте, но какая разница, какой она явилась, если встречали ее как «высокомерную стерву»?

Сергеевич сидел в углу, вяло тыкал вилкой в мясо и с видимым отвращением проглатывал каждый кусок. Дорогой пиджак висел на нем, как на вешалке, щеки покрывала неряшливая щетина, глаза были красными, воспаленными, а руки дрожали. Могло показаться, что Серге-

евич пребывает на экваторе полноценного запоя, но в действительности Платон Миронович уже неделю отказался от алкоголя, как только понял, что тот усиливает кошмары.

– У вас не занято?

– Смотря чем вы планируете заняться, – хмыкнул в ответ Сергеевич.

– Пообщаться, – не стала лгать Тина, располагаясь напротив бизнесмена.

Тот без особого интереса скользнул взглядом по броской женщине, задержался, разумеется, на роскошном декольте – морок творит чудеса! – и вздохнул:

– Я сегодня не лучший собеседник.

– Почему?

– Грустный.

– Неудачный развод?

Сергеевич вздрогнул:

– Откуда вы знаете?

– Я отвечу, – улыбнулась Тина, глядя бизнесмену в глаза. – Но сначала дадите ответ вы.

– Какой?

– Как вам мое лицо?

В первый момент Платону Мироновичу показалось, что женщина кокетничает. Он едва не вспылал, но затем сообразил, что нет никакого смысла подсаживаться к незнакомцу ради глупого кокетства. У вопроса явно был иной, глубокий смысл, но какой?

– Красивое лицо, – промямлил Сергеевич, осознавая, что не понимает, куда клонит незнакомка.

– А главное – никаких красных глаз, клыков, рогов и заостренных ушей, да? – мелодично рассмеялась Тина. – И в моем бокале нет даже намека на червей.

Она повертела перед мужчиной пустым бокалом, после чего распорядилась:

– Минеральной воды.

Платон Миронович послушно исполнил приказ, поставил бутылку и прищурился:

– Вы тоже видите тварей?

– Я знаю, что их видите вы, – объяснила Тина, делая маленький глоток.

– Откуда?

– Я обладаю теми же способностями, что и ваша жена.

– Не завидую вашему мужу.

– Я – свободная женщина.

– Вдова?

– Девушка.

– Не смешно.

– Не задавайте глупых вопросов и не получите глупых ответов.

– Пожалуй... – Сергеевич откинулся на спинку. – Зачем вы явились?

– Увидела порчу и не смогла пройти мимо.

– Эсмеральда сказала, что освободит меня через неделю. – Платон Миронович вздохнул. – Но я не доживу, я знаю. Каждый день – хуже предыдущего, и я все чаще подумываю о том, чтобы растворить в стакане виски упаковку снотворного и...

– Все настолько плохо?

– Сколько? – угрюмо поинтересовался Сергеевич. – Я понимаю, что вас наняла Эсмеральда, сказки о том, что моя тупая жена способна на что-то, кроме истерики, будете рассказывать слепоглухонемым старушкам, страдающим врожденным слабоумием.

Такая проницательность ошеломила Тину и даже заставила устыдиться своих действий, но через секунду она взяла себя в руки и довела дело до конца:

– Мы заключили договор и по времени, тут вы правы, вам предстоит мучиться еще неделю. Но я не хочу вашей смерти.

- Сколько?
- Двести тысяч.
- И когда вы избавите меня от этого кошмара?
- Порча исчезнет в течение часа, но вы должны пообещать мне уехать из Москвы на неделю.
- Если вы за час снимете порчу, я уеду на месяц.
- Даете слово?
- Да. Чек на предъявителя подойдет?
- Вполне.

Платон Миронович извлек из внутреннего кармана золотую авторучку и чековую книжку.

«Чертовы легкие деньги».

Тина раскрыла пудреницу, поднесла к губам и дунула на клиента несколькими крупинками «Пыльцы Морфея», отправив в недолгий сон, одновременно навела морок, заставив официантов видеть Сергеевича читающим журнал, и принялась осторожно освобождать мозг бизнесмена от шупалец искажающего реальность заклинания «Кривое зеркало». Сложность заключалась в том, что при долгом использовании аркан принимался творчески развивать заложенные изначально образы и команды, постепенно усиливая воздействие на клиента и наполняя его подсознание чудовищными видениями, – и именно от этой дряни Сергеевича следовало избавить в первую очередь. Затем снять само заклинание. После чего освежить ему голову бодрящим арканом «Утренний бриз», разбудить и улыбнуться.

Тина не в первый раз работала с «Кривым зеркалом», поэтому все прошло как по маслу, и меньше чем через час Платон Миронович распахнул глаза, некоторое время хлопал ресницами, наслаждаясь давно забытым ощущением «легкой» головы, потом осторожно взял бокал с водой, посмотрел на свет, прищурился и улыбнулся:

- Никаких червей.
- Вы обещали уехать, – напомнила Тина, пряча чек в сумочку.
- Сколько вы заработали?
- Гораздо меньшей той суммы, которую вы с Эсмеральдой Семеновной делили.
- Прошу, не упоминайте это имя. – Сергеевич помолчал. – Надеюсь, вы понимаете, что ваши уникальные способности могли бы мне здорово пригодиться? Во время сложных переговоров, например.
- Вы обещали уехать.
- Считайте, что я говорю с вами из Шереметьево, – рассмеялся мужчина. – После такого кошмара я проведу на море минимум месяц. Но хочу услышать ответ.
- Вот номер моего телефона. – Тина уронила на стол карточку и поднялась. – Звоните.
- Увидимся, – пообещал Платон Миронович.

И девушка поздравила себя с появлением первого по-настоящему «жирного» клиента.

Самый популярный среди челов бар Тайного Города Тина любила гораздо больше, чем его завсегдатаев. Если бы не их мелочные склоки, вечные пересуды, сплетни и ссоры, она появлялась бы в «Кружке» гораздо чаще. А особенно девушке нравилось то, что табачный дым отпугивал от заведения нелюдей, его не терпящих, а в их отсутствие челы чувствовали себя гораздо увереннее.

Табачным дымом, бензином, кожей и пылью исхоженных дорог пахнул мамин брат – самый обыкновенный чел, бродяга и искатель приключений, у которого для маленькой племянницы всегда находились незатейливые гостинцы и куча чудесных историй. А историй дядя знал невероятное количество, поскольку обладал удивительной способностью влипать в них... но при этом выходить сухим из воды. Подражая ему, девочка даже пробовала курить, но будучи

классической полукровкой, пережила этот опыт хуже друзей и с тех пор к табаку не прикасалась. Появление дяди всегда было для Тины праздником, и, видимо, благодаря знакомым запахам она с такой теплотой относилась к «Кружке».

Входя в бар, девушка всегда на несколько мгновений останавливалась в дверях и чуть прикрывала глаза, вызывая в памяти волшебные воспоминания детства. Вот и сейчас она распахнула дверь, привычно притормозила на «дядюшкину секундочку» и сквозь флер табачного дыма окинула взглядом грубоватую мебель и ковбойскую бутафорию на стенах. Кнуты, револьверы, седла, широкополые шляпы – все, что навевало романтические мысли о лихих ковбоях Дикого Запада, отважных индейцах и прекрасных блондинках, обещающих много интересного за спасение от неминуемой гибели...

Но за порогом Тину поджидала удручающая реальность: сидящие за столиками маги, волшебницы и наемники, требующие внимания и осторожности. В отличие от киношных ковбоев, которым могли бы принадлежать развешенные по стенам шляпы, местная публика не любила шумные дуэли, зато обожала бить в спину. Как, например, Эльза и Хилка, две средней руки ведьмы, которые едва не лишили ее роскошной шевелюры, насовав в волосы «зудящих колтунов».

За любимым столиком Тины сорили деньгами Гена по кличке Шахматист, специализировавшийся на спортивных состязаниях, и Эдик Трамблер, успешно совмещавший работу автоюриста и волшебника, компанию им составляли две легкомысленные девицы, кажется, даже не ведьмы. К Эдику и Гене Тина не имела обоснованных претензий, но недолюбливала за раздутое самомнение.

Увы, прекраснодушные челы и тонкие собеседники в «Кружке для неудачника» встречались нечасто, но при умелом подходе бар превращался в кладезь полезной информации. Натянуть улыбку, покрутиться между столиками, угостить парочку сплетников, кое с кем покетничать, потереться у стойки – и за один вечер у тебя в кармане вся текущая информация Тайного Города. Не замыслы темного князя, разумеется, но чем живет дно и средний класс, почувствовать можно.

Тина поболталась у столика наемников – там шумно резались в карты, и разговоры, к сожалению, крутились исключительно вокруг игры, без труда отделалась от навязчивой галантности Силантия Сиракузовича, посетила уборную, а вернувшись, уныло уселась на высокий табурет. Сегодня в «Кружке» оказалось совсем мало посетителей, плотность сплетен не дотягивала до нужного уровня, и от осознания того, что в баре придется провести еще несколько часов, Тине стало грустно.

– Кофе.

– Неприятности?

Жизнерадостный, как все ко́нцы, Харций изобразил сочувствие и понимание. Сосланный в человеческий бар за излишнюю настойчивость в отношении подданной Зеленого Дома, он искренне полагал, что знает о неприятностях все. Его ядовито-малиновая жилетка и выглядывавшая из-под нее канареечная рубашка так контрастировали с нарочито скорбным выражением лица, что Тина невольно улыбнулась. Симулировать человеческую скорбь у этого представителя неунывающей семейки не слишком получалось, но старания заслуживали щедрых чаевых.

– Хорошая попытка, Харций, – честно сказала девушка.

– Я в самом деле проникнут сочувствием, дорогуша.

– И тонким психологизмом?

– И им тоже.

– Ах! Люблю я тебя, Харций.

– Зайка, – проникновенно произнес бармен, поставил перед Тиной чашку кофе и одним пальчиком подвинул по гладкой барной стойке по направлению к девушке.

Здорово было бы уткнуться сейчас в его теплое канареечное плечо и для начала всласть поплакать, а потом... Ко́нцы заслуженно считались лучшими любовниками Тайного Города, и «потом» могло быть только великолепным и никак иначе.

– Силантий только что предложил мне найти мужика, – улыбнулась Тина. – Неужели он говорил о тебе?

– Силантий Сиракузович – наш завсегдатай, прекрасный специалист по поиску вторых половин, но не мой агент. – Харций весело подмигнул девушке. – Я договариваюсь без посредников.

«А может, плюнуть на дела, дожждаться, когда Харций сменится, и уехать с ним?»

– Договариваешься о чем? – улыбнулась Тина.

– Обо всем.

Ко́нец подвинул ей сложенную треугольником салфетку и отошел к другому посетителю.

«Интересно...»

Девушка развернула бумажку и тут же сложила ее вновь, поскольку записка оказалась на удивление лаконичной:

«Такси у входа».

Глава 2

Московская Обитель, штаб-квартира семьи Эрли

Москва, Царицынский парк, за полвека до описываемых событий

Ночью в Царицыно выпал первый снег и еще не растаял, уцепился за холодную осеннюю землю и замер, словно надеясь долежать до зимы. За стрельчатыми окнами тихо кружили опоздавшие снежинки, в мокрых ветвях деревьев играл солнечный свет, делая резкими жухлые листья, из последних сил державшиеся на ветках. А срывающиеся с карниза комья то и дело шлепали по оконным откосам.

Но это – снаружи.

А внутри, в сводчатом холле второго этажа, брат Висцерус собрал молодых коллег, только что закончивших утренний обход.

Брат Висцерус – старый, но невероятно шустрый, суетливый в движениях эрлиец – имел множество заслуг и достоинств перед Московской обителью и Тайным Городом. Он врачевал едва ли не дольше любого из ныне здравствующих братьев, и при попытке подсчитать стаж его практики сбивался даже настоятель Обители, отец Динамус. Брат Висцерус был опытным доктором широкого профиля, однако хирургия никогда не входила в число его любимиц. На старости лет Висцерус получил звание брата-наставника, с энтузиазмом передавал опыт молодым коллегам, но перед входом в хирургическое крыло был особенно придиричив, многословен, нетерпим к вопросам и по десять раз заставлял всех повторять одни и те же прописные истины.

– Прежде чем мы пересечем границу этого, не побоюсь громкого слова, храма жизни, коим является хирургический блок Обители, я предлагаю вспомнить основные принципы лечения ожоговых ран, – с энтузиазмом предложил он, глядя на вверенную его заботам молодежь.

– Почему ожоговых? – удивился кто-то. – Может, поговорим о резаных ранах?

– Или рубленых.

– Или огнестрельных.

– Поспорьте еще, – буркнул Висцерус, и стало ясно, что отказываться от своих намерений он не собирается.

Молодые братья огласили холл негромким стоном, но разжалобить старика не сумели.

– Как вам известно, наиболее частыми причинами термических повреждений тканей являются боевые арканы «Шаровая молния», «Эльфийская стрела» и «Дыхание дракона», – уверенной скороговоркой произнес он. – Когда мы имеем дело с их последствиями, на первом этапе оказания помощи можно пренебречь магическим происхождением раны и действовать, как в случае обычного ожога, но одно из этих боевых заклинаний вызывает серьезное дополнительное поражение тканей... О каком аркане идет речь, брат Латерус?

Висцерусу показалось, что молодой врач отвлекся, но тот, оказывается, слушал и скучным голосом ответил:

– «Эльфийская стрела». Лечение этих ран требует комплексного подхода.

– Великолепно! А теперь вопрос брату Гематусу: перенесет ли обычный чел попадание «Эльфийской стрелы» и каковы будут последствия?

Среди присутствующих Гематус был самым молодым и «подающим самые большие надежды», и, к сожалению, брат-наставник об этом знал. Гематусу доставались самые заковы-

ристые или, наоборот, самые простые вопросы, ответить на которые в одно слово, как того они заслуживали, было равносильно самоубийству.

Услышав вопрос, брат Гематус вздохнул, бросил тоскливый взгляд в окно и на секунду онемел.

Заснеженный парк подернулся мороком. Пегий снег выстилал землю, ядовито-синие стволы деревьев возносились к небесам, а черные кроны распускались растрепанными похоронными венками. Танцующие лунные сферы уводили взгляд куда-то за грань, во Внешние миры, в саму смерть или в бессмертие. Здесь не было жизни. А там плыли в облаках гигантские змеи, сгущалась тьма, искрился свет и невозможные существа расправляли гигантские крылья.

Не успел молодой эрлиец охнуть, как целая планета разорвалась у него чуть ниже сердца, в глазах полыхнул ядовитый цветной салют, и все исчезло.

Молодой врач замер с раскрытым ртом.

– Какие будут последствия? – настойчиво повторил брат Висцерус.

– Тяжелые, – выдавил Гематус, с трудом отводя взгляд от окна.

И неловко переступил, почувствовав в ногах странную слабость. Свет в холле больше не был теплым, в нем появилась невнятная угроза. От тяжелых сводов и древних стен неприятно потянуло холодом. Кажется, запахло тленом...

– Это все? – недовольно уточнил брат-наставник.

– Что «это»? – вздрогнул Гематус.

Висцерус прищурился – до него только сейчас дошло, что юноша сам на себя не похож.

– С вами все в порядке, брат?

– Я... – Молодой эрлиец помолчал, растерянно глядя на наставника, но решил не рассказывать пока о странном видении и качнул головой: – Я с утра не в своей тарелке, брат Висцерус. И не могу понять почему.

– Возможно, дело в небрежной подготовке к занятиям, – строго произнес брат-наставник. – Вас явно тревожит отсутствие знаний.

– Не уверен, что вы поставили правильный диагноз.

Однако старик и сам понял, что Гематус не просто так не ответил на элементарный вопрос, и перестал мучить молодого врача. Повернулся к остальным и вопросительно поднял брови:

– Кто сможет дополнить ответ?

Желающих не нашлось.

– Тогда отправляемся в хирургию... А вы, брат Гематус... – Старик ткнул в грудь молодого врача указательным пальцем. – Вы отправляйтесь в Дырявый приемник. Может, это вернет вас в вашу тарелку.

Молодые братья захихикали, но быстро стихли под строгим взглядом Висцеруса.

– Помогите дежурным.

– Спасибо.

Просторное помещение, в которое прибывали воспользовавшиеся «Дыркой жизни» обитатели Тайного Города, когда-то имело длинное и торжественное название, связанное с предназначением, с предоставлением неотложной помощи и с уникальной системой энергетической подпитки пострадавших. В названии даже фигурировал экстренный способ транспортировки в операционную, посредством разветвленной сети внутренних порталов, и реклама сопутствующих услуг Обителю. Но это был тот редкий случай, когда знаменитое многословие эрлийцев дало трещину, и они сократили название до короткого, емкого и довольно циничного «Дырявый приемник». Но использовали его, разумеется, исключительно сами эрлийцы.

Это было единственное помещение Обителю, где витал стойкий запах крови, пота и дезинфицирующих средств, с тонкой примесью благовоний и снадобий, призванных всю эту вонь вытравить. В момент массового открытия порталов и поступления раненых к смеси добавля-

лись запахи озона, гари, пороха и страха, а на полу и стенах появлялись кровавые потеки. Дырявый приемник работал круглосуточно, и даже педантичные до занудства эрлийцы не всегда успевали прибраться, за что дежурной смене обязательно доставалось от старших монахов, независимо от того, какая война или чума бушевала за стенами Обители.

А вне кризисов Дырявый приемник отдаленно напоминал приемное отделение обычной человеческой больницы. В глубине массивных стен дремали артефакты внутренних порталов, мозаичный пол строго разделял секторы, по которым мог передвигаться персонал, и приемные зоны, куда попадали раненые, воспользовавшиеся «Дыркой жизни». С потолка свисали тяжелые кристаллы «поглотителей», поскольку раненые частенько прибывали вооруженными, сжимая в руках не только мечи, но и магические жезлы и прочие боевые артефакты, и в горячке, случалось, продолжали сражаться, так что предосторожность была не лишней. «Поглотители» работали по принципу «обжор», всасывали магическую энергию, накапливали ее, а затем пускали на нужды Обители.

В мирное время дежурство в Дырявом приемнике считалось отдыхом, Гематус отправился на него с радостью, мысленно поблагодарив старого Висцеруса за такую поблажку, но едва войдя в помещение, Гематус вдруг остановился, смертельно побледнел и без чувств рухнул на пол, вызвав шок у сидящих неподалеку коллег.

* * *

Москва, Петровский парк, 17 октября, понедельник, 18:19

– Хочешь сказать, что моя сестра шлюха?! – негромко, но с явной угрозой, поинтересовался де Рю.

И его ладонь легла на рукоять меча.

– Хочу сказать, что твоя сестра – приятное исключение из вашей упертой породы, – хмыкнул в ответ Данияр, десятник дружины Люблино.

И молодой рыцарь попался в расставленную ловушку:

– В чем исключение?

– В постели горяча, – рассмеялся ему в лицо люд. – Вспоминая, что Марта вытворяла, я готов поверить, что вы размножаетесь не только из чувства долга.

– Урод!

– Щенок!

– Ты ответишь!

– Перед тобой?

– Да!

Но клинок пока оставался в ножнах.

Молодой Евгений де Рю пребывал в бешенстве, но знал, что Данияр – опасный противник, и рассчитывал шансы. А вот люд целенаправленно выводил рыцаря из себя:

– На твоём месте я бы гордился такой сестренкой, Женька, – размеренно произнес Данияр, не прикасаясь к своему оружию. – Наша Марта – настоящая красотка, веселая умница и в постели может поспорить даже с феей.

– Не смей говорить «наша»!

– Ах да, ты ведь с ней не спал...

– Заткнись!

– Разве ты не понимаешь, что я восхищен твоей энергичной сестричкой?

Увы, но чуды, чудские женщины, традиционно демонстрировали образцовую стойкость к адюльтеру, вызывавшую у остальных жителей Тайного Города подозрения во фригидности.

Соблазнить рыжеволосых «ледышек» считалось невозможным, а судя по тому, как гуляли от своих благоверных господа рыцари, не факт, что игра стоила свеч.

Десятник Данияр решил проверить слухи на собственным опыте, пообещал подгулявшим товарищам вынести чудским женщинам однозначный и непредвзятый вердикт, и более чем преуспел. То ли ему повезло с хорошенькой Мартой де Рю, то ли любвеобильность могучего богатыря сотворила чудо, но о бурном романе сначала зашептались по углам, затем заговорили в голос, а к началу осени уже делали ставки на то, чья кровь прольется первой. Самое главное из заинтересованных лиц – глава семейства де Рю, – традиционно узнал о случившемся последним, после чего устроил старшему сыну крупную головомойку. «Накрученный» Евгений отправился «разбираться с проблемой», застал влюбленных в отеле, где они коротали дождливый вечерок, и затеял ссору. Страсти разгорелись нешуточные, и единодушные мужчины проявили только в одном: ни тот ни другой ухом не повел в ответ на рыдания и увещевания поруганной девы.

– Женья, пожалуйста, не надо! Я люблю его! Данчик, ради меня, не убивай его. Я тебя умоляю! Жека, хочешь я прямо сейчас пойду с тобой домо-ой...

Рыдания дали результат: при женщине решили не драться – «Слишком шумно!» – и мужчины отправились в ближайший парк. Несчастную Марту заперли в номере, и бедняжке ничего не оставалось, как в голос рыдать, прильнув к оконному стеклу.

С обеих сторон незамедлительно прибыли группы поддержки, напряжение стремительно нарастало, голоса становились все более громкими, угрожающими, «секунданты» тоже то и дело хватались за оружие, к счастью, пока – для демонстрации намерений, пока... И никто не обратил внимания на появившийся внутри зоны морока «Крылатый глаз» – простейшее и потому весьма распространенное в Тайном Городе устройство слежения, созданное на стыке магии и технологий. «Глаз» уютно устроился в ветвях ближайшего дерева, транслируя куда-то картинку развивающегося скандала, но еще через несколько минут в Петровский парк мягко вкатился фургон Службы утилизации, и собравшихся людов с чужаками окутало еще одно заклинание морока – куда более мощное и абсолютно непроницаемое. Внезапный и резкий поток чужой магии сбил немудреные настройки «Глаза», и он принялся выписывать неровную спираль, поднимаясь выше и выше, а когда оказался над кроной дерева – зашипел, пронзенный стремительной молнией, и рухнул на землю.

Его обязательно должны были увидеть – «Глаз» падал в самую толпу, – но за мгновение до того, как он оказался на земле, голова Данияра слетела с плеч и покатилась прочь. Де Рю машинально среагировал на неожиданное движение, хотя не смог бы потом сказать, кто его совершил, выхватил меч, но сделать с ним ничего не успел: раздался чей-то крик, в ноздри ударил резкий запах персиков, а в следующий миг Евгения атаковал кто-то, то ли невидимый, то ли слишком быстрый.

Оно осознало себя чудовищем – сильным и беспощадным.

Но, вырвавшись на свободу, оно осознало, что за словом «чудовище» ничего нет.

Нет звука, нет радости, нет жизни и боли, нет крика – его создатель не позволял твари кричать. А без голосовых связок оно могло лишь коротко шипеть... Даже дыхания и того не было. Его создатель не предусмотрел ничего, что могло последовать за осознанием себя. Чудовище родилось чудовищем и застыло в этой ипостаси. Оно разинуло пасть и запрокинуло голову. Оно получило единственную возможность, кроме осознания, – тоску, по жизни. И эта тоска нарастала.

Сознание замыкалось и взрывалось.

Тварь не понимала сути страданий. Тварь плохо знала мир. И это темное небо, морозящее осенним дождем по клочкам боевой шкуры. И эти огни. И лучистые тела магов, и темные силуэты людей, наседавшие друг на друга в гигантском муравейнике. Все это было интересным,

но каким-то чужим. Чудовище чувствовало себя в стороне от всего. Не понимало, почему, и за неимением сердца тоска разрывала твари естество, которого тоже не было.

Иррациональная тварь испытывала иррациональные чувства.

Она могла бы, наверное, умереть, но создатель дал ей цель.

– Убей! – приказал он, расколов скорлупу несвободы.

И тварь убила.

Всех тех, кто был непонятной для нее частью незнакомого мира. По сравнению с ней они оказались слабыми и медлительными. Но вкусными. Твари понравились их мясо и кровь, тварь хотела устроить пир, но создатель отозвал ее и вновь запер.

Но теперь, в скорлупе несвободы, ей не было так тоскливо: у твари наконец-то появилось то, что следовало за словом «чудовище», – жизнь, воплощенная в цель.

Тварь дождалась, когда создатель отвлечется, и позволила себе уйти.

Ей было любопытно изучать чужой мир и сладостно исполнять данную создателем цель.

Тварь хотела убивать.

Ей нравилось.

* * *

Москва, Петровский парк, 17 октября, понедельник, 18:36

– «Глаз» сдох! – крикнул Белосвет. Хотел еще просить водителя прибавить, но глянул на спидометр и благоразумно промолчал.

Машина неслась по Ленинградскому проспекту, играя с человеческими автомобилями не просто в шашки, а в безбашенные «чапаевки». Сидящий за рулем хван процедил сквозь зубы что-то короткое, емкое и, возможно, обидное, но что именно, Белосвет не расслышал, а переспрашивать не стал. Не сейчас.

Четырехрукий Пиф, выходец из алтайской семьи профессиональных убийц, появился в «Тиградком» с месяц назад, скромно предложил свои услуги в качестве штатного водителя и – что было совершенно неожиданно – скромно согласился на более чем скромную зарплату. Что именно побудило Пифа так поступить со своей жизнью, не знал никто. А на прямой вопрос хван мрачно обронил: «Давно мечтал» и так посмотрел на начальника отдела кадров, что тот молча подписал необходимые бумаги, после чего сказался больным и неделю не появлялся в офисе.

Расспросы прекратились, но воображение творческого коллектива «Тиградком» разыгралось до неприличия. В одном углу шептались, что на отдыхе Пиф взял покататься истребитель пятого поколения и забыл вернуть. В другом утверждали, что неразговорчивый хван без спроса подписал слишком «горячий» контракт на устранение высшего человеческого политика и теперь отбывает ссылку за непослушание. В третьем намекали на крупные, но засекреченные неприятности, которые четырехрукий доставил Великому Дому Людь по контракту с Великим Домом Навь, что вызвало неудовольствие у Великого Дома Чудь, но правду, как легко догадаться, не знал никто. Как бы там ни было, с машинами Пиф управлялся великолепно, в случае необходимости, мог поддержать съемочную группу грубой силой, и считался важным членом коллектива. К тому же хван категорически отказался водить стандартный репортерский фургон, презрительно назвав его так, как запрещено повторять по соображениям морали, и предоставил в распоряжение группы личный «Кадиллак Escalade», чем сразу повысил свой рейтинг на тысячу с лишним пунктов.

Постепенно к Пифу привыкли, разговоры утихли, и внутри съемочной группы возникла нормальная рабочая атмосфера, хотя поначалу люд Белосвет – репортер, хвана задира, а ко́нец Лакриций впадал в его присутствии в ступор.

Лакриций когда-то держал в Тайном Городе фотосалон. Затем, когда человеческая техника шагнула вперед, салон превратился в кинотеатр, где во время сеансов творились настоящие чудеса, поскольку морок успешно дополнял кинореальность. Лакриций гордился тем, что изобрел 3D раньше чело́в, однако применить свое открытие не сумел, продал кинотеатр, купил маленькое кафе с пафосным названием «Приют киномана», проскучал в нем несколько лет, после чего свалил дела на управляющего и устроился в «Тиградком» оператором.

И обрел себя. Лакриций не просто снимал хронику, стендапы и проходы – он создавал новости! Работа приводила ко́нца в восторг. Ведь пока его сородичи, воображавшие, что знают толк в развлечениях, изощрялись в чревоугодии и плотских утех, он творил историю!

От такого кипения его творческой крови у Пифа и Белосвета множились неприятности и случались незапланированные поездки к эрлийцам, поскольку толстенький оператор бесстрашно лез в самую гущу событий.

– Держитесь!

«Кадиллак» резко свернул с Ленинградского проспекта вправо, ускорился, внатяг прошел скользкий поворот, но выровнялся и с ревом помчался дальше.

– Мы уже приехали?

– Еще нет.

Ко́нец закрыл глаза руками и часто задышал.

– А сейчас?

– Нет! – хором ответили люд и хван.

– Ох...

Машина резко остановилась у обочины, несколько секунд Пиф внимательно разглядывал валяющиеся на поляне тела, после чего угрюмо сообщил:

– Опоздали.

– Вижу, – сухо ответил люд.

– Значит, приехали? – подал голос Лакриций, заметивший, что машина остановилась. – Отлично! Что снимаем, Бел? Ты продумал сюжет? Вы только посмотрите на этот... экспромт...

Ко́нец разглядел трупы и замолчал. Но оторопь не помешала ему опустить стекло и выставить в окно камеру.

Белосвет же выбрался из машины, окинул мрачным взглядом растерзанные тела, обернулся, посмотрел на Пифа и растерянно спросил:

– Что здесь произошло?

– Ты у меня спрашиваешь? – ровно поинтересовался хван, вставая рядом с репортером.

– Я... – Люд понял, что сглупил, и попытался объяснить: – Ты наверняка знаешь о таких вещах больше моего.

В отличие от братьев Белосвет к военным играшкам относился с холодком, в дружине отслужил ровно столько, сколько требовала древняя традиция, ни часом больше, и полностью сосредоточился на любимой журналистике. Поэтому крови, которая пролилась в Петровском, он не испугался – насмотрелся за жизнь достаточно, но с трудом представлял, что могло вызвать такие потери.

Вечерний сумрак уже накрыл осенний парк, и в неясном свете фонарей разорванные тела рыцарей и дружинников казались залитыми черной навской кровью. Пятеро чудов против шести людов. У могучего балагура-десятника оказалось на одного друга больше, соответственно, потери Великого Дома Людь были чуть выше.

Зубчатая стена Путевого дворца возвышалась над полем боя могильной плитой.

– Надо найти «Глаз», – негромко произнес Пиф.

- Да, – согласился люд, но с места не сдвинулся.
- Все мертвы? – Лакриций наконец-то рискнул покинуть внедорожник и присоединиться к друзьям.
- Ага, – подтвердил хван. И вновь посмотрел на люда: – Как ты узнал, что здесь случится побоище?
- Что? – не понял тот.
- Как ты узнал, что сюда нужно направить «Глаз»? – повторил Пиф. – Мы ведь ехали снимать осеннюю распродажу в супермаркете Торговой Гильдии.
- Все слышали о проделках Марты, – не поворачиваясь к водителю, ответил Белосвет. – И я попросил Ярослава, двоюродного брата Данияра, сообщить мне, если начнется разборка. Надеюсь продать сюжет в светскую хронику.
- А продадим в ЧП, – едва слышно пробурчал ко́нец.
- Когда пришла СМС – отправил сюда «Глаз», а Ярослав... – На лице люда на мгновение появилась гримаса боли. – Вон он лежит.
- Что будем делать?
- Надо сообщить, – высказал свое мнение Лакриций.
- Белосвет?
- Но люд, судя по всему, продумывал другую версию.
- Белосвет? – повторил хван.
- О происшествии и без нас узнают, – прищурился репортер. – Цена вопроса – несколько минут, давайте используем их профессионально.
- Сделаем репортаж?
- Да. – Белосвет принял решение и стал раздавать приказы: – Пиф, пожалуйста, отыщи «Глаз».
- Хорошо.
- Лаки, дай мне прямой эфир через десять минут, как раз подгадаем к вечерним новостям.
- Сделаю!
- Ко́нец вернулся к машине и принялся готовить аппаратуру.
- Сам же Белосвет медленно прошел по краю поляны, не рискуя заходить за невидимую «линию смерти», но пересек ее, когда заметил слабое движение, и склонился над молодым чудом.
- Ты как?
- Мальчишка приоткрыл залитый кровью глаз и прошептал:
- М-моряна... ч-ч...
- Моряна? Откуда? Зачем?
- Но юноша, в котором люд опознал Евгения де Рю, уже потерял сознание.
- Белосвет огляделся, мысленно согласился с рыжим: даже на его непрофессиональный взгляд, последствия страшной резни действительно напоминали «работу» оборотня, после чего бесцеремонно ощупал карманы раненого, отыскал «Дырку жизни» и активировал ее, порталом отправляя де Рю в приемный покой Московской Обители. А сам отскочил, чтобы не провалиться следом.
- Бел, у меня все готово! – доложил Лакриций. – Нас пустят в эфир, как только захотим.
- Ты сделал панораму?
- Из окна машины, а что?
- Ко́нец как раз устанавливал треногу, но люду пришла в голову другая идея:
- Хватай камеру и за мной!
- Куда? – Однако опыт есть опыт, и, задавая вопрос, Лакриций уже взваливал аппарат на плечо.

– Марта, скорее всего, еще в отеле, – скороговоркой ответил Белосвет. – Она наверняка что-то видела или слышала, и ее мы загоним в новости сразу после подводки. Включай семейную тайну на полную, Лаки, нам нужны ответы.

– Будут тебе ответы, – пообещал ко́нец.

Дверь в номер оказалась запертой, но люда это не остановило: может, он и недолюбливал «военные игрища», но силушкой, так же, как его сородичей, Спящий Белосвета не обидел. Но только репортер приготовился вышибить препятствие, как Лакриций прошептал:

– Ты слышишь? – и повис на люде, помешав открыть дверь одним ударом.

– Что слышу?

– Не ори.

– Что я должен слышать?

– Женский плач, идиот, – тут же ответил ко́нец. – Окна номера выходят на поляну.

Люд прислушался и нахмурился:

– Ничего не слышу.

– Я тоже.

– Вот и не мешай. – Белосвет вновь изготовился к удару, но вновь остановился, услышав:

– Почему вместе с Источником Спящий не подарил вам мозги?

Понял, что чего-то не понял, и вновь повернулся к другу:

– Да что случилось?

– Если мы не слышим рыданий, значит, тут что-то не так, – объяснил Лакриций. – Это же очевидно.

– И что это означает?

– Это означает, что нет нужды ломать дрова.

Оператор оттер плечистого репортера от двери, поднес к замку перстень с безымянного пальца левой руки и шепнул короткое заклинание.

– Получилось? – тихо спросил Белосвет.

– Получилось, – подтвердил ко́нец. – Но замок сломан и заблокирован.

– Включи камеру.

– Хорошо.

Ко́нец встал справа от люда и включил запись. Белосвет открыл дверь, сделал пару шагов внутрь, остановился и поморщился: полуодетая Марта лежала поперек пребывающей в беспорядке кровати. Голова повернута под неестественным углом. Глаза широко распахнуты. В глазах – страх. Золотисто-рыжие волосы разметались по простыне.

– Снял?

– Да. – Лакриций вздохнул. – Жаль, что интервью не будет... – помолчал и добавил: – Бедная девочка.

– Бедная, – согласился люд. – Они все бедные.

Двенадцать трупов!

Тайный Город ожидал большой скандал.

Но... Кто убил Марту? В номере, как обратил внимание Белосвет, персиками не пахло, значит, оборотень, о котором рассказал ее несчастный брат, в отель не заходил. Или Евгению привиделось, и никакой моряны в действительности не было?

– Все готово, – сообщил ко́нец. – Я пускаю картинку, а ты озвучивай.

На планшете поползли смонтированные кадры, и люд принялся уверенно вещать:

– Мы ведем репортаж из Петровского парка, где только что произошла кровавая дуэль, больше похожая на массовое убийство. Судя по всему, сражение случилось между чудами и людьми, но что стало его причиной, пока неизвестно... – Белосвет комментировал ужасные кадры, оставаясь за камерой, при этом они с Лакрицием вышли из отеля и направились на

поляну, на которой как раз появились маги Великих Домов. – Прямо сейчас к месту трагедии прибывают следователи, и первый вопрос я адресую фате Мстиславе...

И только логотип «Тиградком» на микрофоне помешал дознавательнице Зеленого Дома сказать в эфир все, что она на самом деле думает о вездесущих журналистах, трагическом происшествии, его истинной подоплеке и благонравности чудских женщин.

– Скажите, фата, у вас уже есть версии случившегося?

Станный вопрос, если учесть, что Мстислава только прибыла в парк, но белокурая ведьма ответила на него достойно:

– К сожалению, и чуды, и люды, случается, теряют голову во время ссор, повод для которых дает сама жизнь. – После чего непринужденно улыбнулась, жестом показала Лакрицию прекратить съемку и совсем другим тоном поинтересовалась: – Как вы здесь оказались?

– Я тоже хотел бы это знать, – добавил подошедший Кристиан ле Сейдж, следователь из Ордена. – Никто не сообщал в «Тиградком».

– Мы ехали на репортаж, засекли применение мощного морока и решили посмотреть, что здесь происходит, – сообщил Белосвет. – Обычное дело.

О «Крылатом глазе» он решил пока не распространяться.

– На какой репортаж вы ехали? – спросил ле Сейдж.

– Планировали сделать заказной сюжет о небывалой щедрости шасов в сезон осенних распродаж.

– Что видели?

– Только то, что вы видите сейчас. Кто бы это ни сделал, он убрался до нашего появления. – Белосвет помолчал и добавил: – К счастью.

– Почему вы думаете, что это «кто-то сделал»?

– Потому что в обычной схватке кто-нибудь одержал бы победу.

– Тоже верно...

– Мы можем ехать? У шасов, как вы знаете, кошмарные штрафы за опоздание на съемку.

Мстислава покосилась на Кристиана, тот пожал плечами, показывая, что пока не видит необходимости задерживать съемочную группу, после чего ведьма закончила:

– Можете.

– Но приготовьтесь давать показания, – добавил рыцарь.

– Обязательно.

К рыцарю и дружиннице Дочерей Журавля прибыло подкрепление: специалисты по магическому сканированию, врачи, предсказатели, криминалисты, в общем – профессионалы, способные восстановить полную картину произошедшего. Возможно, у кого-то из них были вопросы к Белосвету и его друзьям, но задать их они не успели – сборы и отъезд не заняли много времени.

– Куда теперь? – спросил Пиф, когда они подъехали к выезду на Ленинградский проспект.

– Давай на Большой Овчинниковский, – решил Белосвет.

– К Барраге?

– К Барраге. Возможно, мастеру удастся снять информацию с поврежденного голема.

– Меня уволят, – проныл с заднего сиденья Лакриций.

– Не волнуйся, – хмыкнул люд. – Нас всех уволят.

* * *

Москва, Гжельский переулок, 17 октября, понедельник, 18:37

Такси покрутилось по нескольким переулкам неподалеку от станции метро «Площадь Ильича», остановилось, и водитель не очень дружелюбно сообщил:

- Приехали.
- Я что-то должна? – поинтересовалась Тина.
- Уйти.
- Спасибо.
- Мне заплатили.
- Я поняла.
- Но ты можешь добавить.
- Не стану.
- Тогда уходи.

Девушка пожала плечами и вышла из машины. Как только дверь захлопнулась, водитель резко дал по газам, и такси умчалось прочь.

«Интересно, так велено или ты боишься тут оставаться?»

На улице быстро темнело и было по-осеннему зябко. И еще – мрачно. Двухэтажные дома, тянущиеся вдоль дороги, почему-то оказались не освещены – ни одно окно не светилось! – справа темнели железные ворота, запертые, похоже, еще перед нашествием французов, и даже уличные фонари не подавали признаков жизни.

«Интересно, кто меня сюда позвал?» – подумала девушка, сжимая в кармане «Дырку жизни», а через секунду услышала:

- Привет, Тина!
- Повернулась и всплеснула руками:
- Млада?!
- Привет!
- Привет, дорогая.
- Девушки поцеловались.
- К чему такая таинственность?
- Есть важное дело.
- Насколько важное?
- Настолько, что даже Харций не знает, кто написал записку, – ответила люда.
- Ого.

Тина подумала, что за подобной конспирацией должно таиться нечто действительно неприятное, но подруга поспешила развеять ее сомнения:

– Ты не волнуйся: ничего такого, за что можно потерять голову, я тебе не предложу. Просто не хочу огласки.

Нельзя сказать, что дружба Млады и Тины была обычным для Тайного Города делом. Белокурые ведьмы Зеленого Дома традиционно относились к челам высокомерно, а к полукровкам – с оттенком презрения, ну, если очень повезет, то покровительственно. Но случались и исключения. Во время обучения в школе Солнечного озера Тина считалась кем-то вроде подшефной Млады: люда разъясняла девушке непонятные материи, объясняла те правила Тайного Города, которые по каким-то причинам не вошли в курс обучения, и следила за тем, чтобы полукровку не обижали. Взамен Тина оказалась у Млады кем-то вроде прислуги, но жаловаться

не имело смысла, поскольку на точно таких же условиях старшие девушки работали и с совсем молоденькими людьми.

Что же касается отношений, то расторопная полукровка Младе понравилась, и за то время, что Тина провела в школе, они с Младой не раз устраивали различные веселые каверзы, а после обучения провернули уже три весьма выгодных комбинации.

В конце концов, при всех противоречиях и национальных различиях никто не поймет ведьму так, как другая ведьма, будь она зеленая, рыжая или еще какая-нибудь.

Однако до сих пор Млада никогда не вела себя столь таинственно, и все комбинации, даже ту, которая была совсем незаконна, подруги обсуждали в уютном кафе. Соответственно, Тина насторожилась, несмотря на успокаивающее заявление подруги, но та сразу перешла к делу:

– У меня есть для тебя очень важное и деликатное поручение: нужно снять порчу с одной человеческой семьи. Сегодня ночью.

Настолько простое поручение никак не соответствовало таинственности, с которой фея организовала встречу, и Тина насторожилась еще больше:

– Снять порчу?

– Да, – легко подтвердила Млада. – Минут двадцать работы, не больше.

– С кого?

– С челов.

– С простых челов?

– Э-э... – Тут Млада наконец сообразила, в чем дала маху, вздохнула и взяла подругу за локоть: – Прогуляемся.

– Да холодновато для прогулок, – попыталась отговориться Тина.

Она еще не оставила мысль отыскать поблизости кафе и устроиться в нем. Однако люда была непреклонна:

– Холодно, зато безопасно.

– В смысле?

– Никто не подслушает.

– Надо было запустить навский оберег.

– Я запустила. Но нужно, чтобы нас и не заметили.

– Почему?

– Нас не должны видеть вместе.

– Почему? – повторила Тина.

– Ты хочешь уйти с холода?

– Очень!

– Тогда слушай и не перебивай.

И они неспешно пошли по темной улице.

– Некоторое время назад я узнала, что у моей бабушки по материнской линии – травницы Федосеи, когда-то давно простая человеческая девка увела мужа, – начала Млада. – Не знаю, что там была за красота неопишуемая, но дед влюбился по уши, бросил Федосею с малолетней дочерью и ушел жить к челке.

Тина поморщилась – она терпеть не могла это уничижительное определение, и Млада извиняющимся тоном добавила:

– Ну, ты понимаешь, извини, это я из солидарности с бабушкой.

– Я понимаю.

– Вот и здорово.

– Только я не понимаю, почему Федосея не вернула мужа?

– Магией?

– Да.

– А какой смысл от куклы? – удивилась Млада. – Ну, станет он по вечерам домой являться, смотреть влюбленно, трахаться технично, но все это будет ненастоящим, ты же ведьма, разве не понимаешь? Это ваши женщины все время кого-нибудь присушить мечтают, все им кажется, что так лучше, а мы давно через это прошли.

Тина прикусила язык. В Великом Доме Людь магией владели исключительно женщины, и если бы они наперегонки присушивали и отсушивали друг у друга альфа-самцов, то вряд ли сумели бы построить свою цивилизацию.

– В общем, Федосея задумала отомстить, – продолжала Млада, цокая каблучками по асфальту. – Но как? Наслать бессилие? Вылечит. Убить? Как-то неприлично... Да и любила она деда, чего уж там врать, крепко любила.

– Но способ отомстить нашла.

– Федосея прокляла род разлучницы по мужской линии.

– Прокляла детей? – изумилась Тина.

– Ну... Не совсем так, – смутилась Млада. – Первенцев. И... Не совсем прокляла. Это я образно.

– Говори как есть.

С каждой минутой становилось холоднее, и пора было прекращать ходить вокруг да около.

– В общем, дед погиб во время Вторжения. Федосея же, выждав некоторое время, передала разлучнице послание о проклятии, а дальше стала являться к ним в дом, если первенцем становился мальчик, – выпалила Млада, не глядя на подругу.

– Бог ты мой, – прошептала Тина. – Правда?

– Я не знала, – вздохнула люда. – Да и никто не знал.

– И что?

– Федосея приходит, окуривает дом травками и... приносит беду.

Сказать «убивает младенцев» Млада не смогла. Даже при том, что речь шла о человеческих младенцах.

Жители Тайного Города привыкли и к жесткости, и к жестокости, но детей они старались не трогать. Убийство детей считалось позором, несмылаемым пятном, и таких колдунов сторонились.

Тина передернула плечами.

– Ты хочешь остановить Федосею?

– На днях в той семье родилась двойня, – уныло сообщила Млада.

– Мальчики?

– Ага. Пока здоровенькие.

– Почему ты сама ее не остановишь?

– Решила дать тебе возможность заработать, – попыталась соврать люда, но провести подругу не сумела.

– Млада? – Тина вопросительно подняла брови.

Белобрысая печально вздохнула и прищурилась:

– Ты не возмешься, если я не отвечу?

– Не возмусь, поскольку хочу понять, что происходит. В твоё человеколюбие я не поверю, и во вселенскую справедливость тоже...

– По-твоему, если я – людь, а не чел, то не могу пожалеть чужого младенца?

– Можешь. И я даже верю, что жалеешь, – честно ответила Тина. – Но ты могла решить эту проблему самостоятельно или же вообще закрыть на нее глаза: мало ли, что там бабушка вытворяет. Мама твоя наверняка...

– Маму не трогай! – перебила ее Млада.

– Извини.

Млада строго посмотрела на подругу, давая понять, что челка только что чуть не перешла важную черту, после чего продолжила:

– Маму не трогаем. Не забывай, что ее дед бросил тоже.

– Я поняла...

– Хотя и приходил потом, навещал, но он ее бросил, и мы с тобой не можем судить ни Федосею, ни тем более маму.

– Я попросила прощения.

– Да. – Млада помолчала. – Ты тоже извини за резкость. Но ситуация такая... Мы с тобой никогда это не обсуждали, но... Как думаешь, каков мой официальный магический уровень?

– Думаю, что высокий.

– «Возможно, жрица», – с заслуженной гордостью сообщила Млада. – А знаешь, когда ставят такой уровень? Когда на сто процентов уверены, что потенциал ведьмы позволяет ей стать высшим иерархом, но титулов мало, поэтому ставят «возможно». Мол, возможно, жрица, а возможно – нет. Но все это казуистика.

– То есть ты способна вырасти в великую колдунью?

– И даже стать королевой, – усмехнулась Млада. – Но для этого нужно правильно выстроить карьеру.

– Кажется, я понимаю, к чему ты ведешь.

– Даешь слово молчать о том, что услышишь?

– Безусловно, – кивнула сторающая от любопытства Тина.

– Тогда слушай. Мне покровительствует жрица Снежана, я, можно так выразиться, в ее клане, – негромко продолжила Млада. – Достигнута договоренность, что я поступлю на службу в «секретный» полк, лет на пять, на очень хорошую должность. Это прекрасное предложение, которое поможет моей карьере. Однако должность, о которой договорилась Снежана, не только хорошая, но и серьезная. У меня будет власть, на мне будет ответственность, а значит...

– Тебя будут проверять.

– В ближайшее время «секретные» начнут изучать меня под микроскопом: родословная, родственники по обеим линиям... И обязательно докопаются до сбрендившей маньячки. Они докопаются, я знаю.

История выглядела более чем правдоподобной, а главное – более чем перспективной. По сути, Тине предлагалось оказать крупную услугу честолюбивой ведьме, твердо нацелившейся на одну из высших должностей Зеленого Дома. Понятно, что будущее вариативно, Младу могут убить, ее клан могут затоптать конкуренты, но в этом и заключается прелесть ставки в молодости: если она сыграет, выигрыш будет сказочным.

– Выходки Федосеи могут испортить мне всю жизнь, – закончила люда.

– Но ведь речь идет о челах, – напомнила Тина. – Разве вашим «секретным» не плевать на это?

– Не считай нас бездушными циниками, это не так. К тому же речь идет не о челах, а о детях. И... – Если бы она не продолжила, Тина бы ей не поверила, но люда сказала то, что ожидалось: – И должность, которую мне подобрали, очень важная, враждебные Снежане жрицы не прочь посадить на нее своих ставленниц, так что любой «минус» в личном деле будет раздут до вселенских масштабов.

– Вот это я понимаю лучше, – пробормотала Тина.

– В общем, я хочу прекратить выходки Федосеи. Сегодня. – Млада резко повернулась к собеседнице. – Берешься?

– Что ты имеешь в виду под словом «прекратить»?

– Что угодно.

– В том числе и смерть Федосеи?

– Надеюсь, у тебя хватит ума не оставить следов.

- Ты серьезно? – изумилась человская ведьма.
- Только не говори, что речь идет о моей бабушке. Она – убийца.
- «Интересно, как давно ты об этом знаешь?»

В этом, наверное, и кроется суть дела: Млада боится не того, что «секретные» узнают о кровожадной бабушке. Они выяснят, что внучка с уровнем «возможно, жрица» знала об убийствах и, возможно, принимала в них участие. Вот что они выяснят. Только этим можно объяснить панику Млады.

Спрашивать об этом Тина не стала – не дура. Но поскольку нужно было объяснить задумчивый вид, задала другой, давно заготовленный вопрос:

- Откуда ты знаешь, что очередное убийство случится сегодня?
- Сегодня Протопопову Надежду Федоровну выписали из роддома.
- Федосея приходит по ночам?
- Да.
- Понятно... – Тина потерла лоб. – Еще вопрос: Надежда знает о семейном проклятии?
- Наверняка.
- А значит, она вполне могла обратиться за помощью к человской ведьме – то есть ко мне.
- Отличная мысль! – одобрила Млада. – Это станет твоей легендой.
- Именно.
- Я знала, что могу на тебя рассчитывать.
- Надеюсь, не в последний раз...

Но об этом – о том, что «не в последний раз», – следовало позаботиться.

Разобравшись в мотивах белокурой подруги, Тина поняла, что легко может стать следующей, после рехнувшейся Федосеи, жертвой. Это было бы самым логичным ходом со стороны Млады: чужими руками убрать спятившую бабку, а затем разделаться с исполнительницей. В этом случае она останется такой чистой, словно ее прокипятители с отбеливателем.

- Мой гонорар?
- Обещания дружбы недостаточно? – усмехнулась люда.
- Тогда назовем это подарком.
- А ведь я помню тебя совсем зелененькой... Впрочем, ты и тогда отличалась железной хваткой.
- Спасибо, дорогая.
- Не за что, дорогая.
- Что ты решила мне подарить?
- Артефакт «Иллюзион». Хотела, чтобы подарок получился необычным.
- Не слышала о таком.
- Это очень редкое и дорогое устройство. Он наводит морок высочайшего уровня, детализированный до мельчайших подробностей. Ты будешь довольна.
- Поверю на слово.
- Когда я тебя подводила?
- Никогда.

И это было правдой: до сих пор Млада ни разу – ни разу! – не обманывала подругу. Даже в магической школе, где многие старшие не упускали возможности грубо подшутить над начинающими ведьмами, Млада всегда держалась корректно.

Однако со временем все меняются, и люди, и нелюди.

– Нам придется заключить заклятие обещания, – негромко произнесла Тина. И увидела в глазах подруги веселый блеск: та все поняла правильно.

– Очень разумное предложение, – кивнула Млада, доставая из сумочки маленький бронзовый артефакт. – Возьмешь с меня клятву не причинять тебе зла?

- Да.

Заклятие было относительно простым, но апеллировало к высшим магическим сферам, и потому являлось неснимаемым и ненарушаемым. Клялись обыкновенно жизнью, и не было еще случая, чтобы отступник не погибал. Ни одного случая.

Колдуньи взяли за руки так, что артефакт оказался зажатым между их ладонями, и Тина произнесла:

– Клянусь не позволить твоей бабушке, Федосее, совершить сегодня запланированное ею убийство детей. Клянусь сделать для этого все, что будет необходимо. – Тина помолчала, сочтя, что сказала достаточно, увидела, что Млада чуть покачала головой, вздохнула и закончила: – И в случае необходимости – убить Федосею.

– Клянусь не считать тебя виновной в смерти Федосеи, если тебе придется ее убить. Клянусь разделить с тобой ответственность, если ты будешь поймана и обвинена в убийстве. Клянусь не преследовать тебя лично и не просить об этом третьих лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.